

Юлия Марчина

ОБРЫВ 18+

Пореченск.LOVE

Юлия Марчина

ОБРЫВ

«Автор»

2026

Марчина Ю.

ОБРЫВ / Ю. Марчина — «Автор», 2026 — (Пореченск.LOVE)

Это не любовный роман в привычном смысле. Книга о том, как любовь выживает после того, как люди сделали всё, чтобы её убить. О том, что прощение - это не «забыть и сделать вид, что ничего не было». Ритка - огонь. Живучая, как кошка, острая на язык, упрямая, отчаянная, влюбляется до беспамятства, но внутри она всё ещё та девчонка, которая ждёт принца. Того, кто придёт и спасёт. У неё нет ничего: ни семьи, ни дома, ни работы, ни надежды. И самое страшное: она сама разрушила свою жизнь. Она пытается начать с нуля, но прошлое не отпускает. И теперь ей предстоит сделать выбор: продолжать искать того, кто спасёт, или наконец научиться спасать себя самой. А ещё понять, где в её прошлом - будущее.

© Марчина Ю., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ГЛАВА 1	5
ГЛАВА 2	11
ГЛАВА 3	16
ГЛАВА 4	22
ГЛАВА 5	27
ГЛАВА 6	32
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Юлия Марчина

ОБРЫВ

ГЛАВА 1

Ритка металась по квартире, лихорадочно сгребая вещи. Из шкафа доставала одежду и, не складывая, запихивала в чемодан, бросала туда же обувь. С полки смахнула в сумку косметику. Схватила документы, сунула в рюкзак, туда же – ноутбук, даже не выключая, просто захлопнув крышку. Руки тряслись, в глазах темнело от страха, но она заставляла себя двигаться, носилась из комнаты в комнату, то и дело подбегая к окну и обмирая от ужаса: не въезжает ли во двор белая «Бэха» Игоря.

Он звонил минут двадцать назад. Орал так, что динамик дребезжал:

– Сейчас приеду и убью, рыжая тварь!

И она поверила. Бить – бил уже. Теперь убьёт. Спасибо, что предупредил.

В прихожей, за шкафом, была спрятана плоская жестяная банка из-под печенья. Она сунула туда руку, достала, высыпала всё, что там было – чаевые, заначенные за три месяца, скомканные: тысячи, пятисотки, сотки. Не пересчитывая, прикинула сумму. Выходило тысяч шесть, может, семь. Плюс карта, там ещё три. На билет хватит. На пару дней поесть – тоже. А дальше? Она зажмурилась. Там видно будет. Сначала – выжить.

Деньги сунула в карман, прямо так, без кошелька, чтобы быстрее. Когда выбегала из квартиры, на лестнице чуть не упала – сумка перевесила, каблук подвернулся. Удержалась, вцепившись в перила, перевела дух. Ключи бросила в почтовый ящик – пусть подавится. Сумку, чемодан на колёсиках, рюкзак – еле спустила по ступеням, но адреналин гнал, руки тряслись, ноги подкашивались. Выскочила на улицу, в июльскую жару, и побежала, как могла.

Каблуки гулко стучали по раскалённому асфальту, лёгкое платье тут же прилипло к телу, но Ритка мчалась как угорелая, оглядываясь каждые десять шагов. Только свернув за угол и влетев во двор соседнего дома, остановилась, согнувшись пополам и хватая воздух ртом, пыталась отдышаться. Сердце бешено колотилось, перед глазами всё плыло.

Немного придя в себя, вызвала такси. Ехать было некуда, поэтому пришлось – на вокзал. Таксист, вырвав из переулка, притормозил на светофоре, и она краем глаза заметила белую «Бэху» в соседнем ряду. Сердце упало в пятки и забилось с неистовой силой. Пригнувшись, она вжалась в сиденье, молясь всем богам, чтобы Игорь её не заметил. Кажется, обошлось – машины разъехались в разные стороны. По крайней мере, у неё было время улизнуть, пока он ворвётся в пустую квартиру, пока будет там метаться как разъярённый бык.

Она откинулась на спинку сиденья, выдохнула. Пальцы перестали дрожать только через пару минут. Рита полезла в сумку, нащупала косметичку и достала маленькое зеркальце. Взглянув на себя, ужаснулась: тушь потекла, лицо блестело от пота, волосы... ну просто кошмар – распушились и торчали во все стороны.

– Твою ж дивизию, – прошептала она и принялась спасать ситуацию. Убрала размазанную тушь, протёрла кожу влажной салфеткой, подкрасила глаза дымчато-серым, провела аккуратные стрелки, губы чуть тронула розовым блеском, прошла пудрой. Уже лучше, на человека похожа стала. Волосы просто пригладила ладонями, всё равно от неё ничего не зависело – они жили своей жизнью.

Таксист, крепкий мужичок с эспаньолкой, то и дело косился в зеркало заднего вида. Ритка чувствовала его взгляд, но молчала. Он пытался острословить: про жару, нерадивых пешеходов, про то, что такая красивая девушка одна едет. Шутки были тупые, несмешные, и она отворачивалась к окну, даже не пытаясь изобразить подобие улыбки.

Когда подъехали к вокзалу, он выскочил, распахнул багажник и вытащил её сумку с чемоданом. Окинул Риту оценивающим взглядом: пышная копна огненно-рыжих волос (свой цвет, между прочим), ладная фигурка, аккуратная грудь, тонкая талия, крепкие округлые ягодицы, точёные ноги. Она, конечно, всё о себе знала – как на неё мужики облизываются, и видела, как у этого тоже загорелись глаза.

– Может, номерочек оставишь? – спросил он, расплываясь в улыбке.

– Ага, – усмехнулась она. – Разбежался.

Развернулась и направилась к кассам. Билет на скоростную электричку до Ромашино взяла сразу. Хорошо, что Игорь не в курсе, где живёт её мать. Знает только, что где-то в деревне, но точный адрес – нет. С него станется и приехать. Ритка поёжилась, оглянулась на вход в здание вокзала. Белой тачки видно не было.

Она зашла в зал ожидания, опустилась на скамейку, поставила чемодан, сверху сумку, рюкзак положила на колени и закрыла глаза. В голове всё ещё гудело, сердце колотилось, но хотя бы стало ясно, как жить дальше.

...С Игорем она познакомилась зимой. Вернувшись из Москвы, куда ездила за лучшей жизнью, а привезла только разбитые надежды и пустой кошелек, Рита поняла: нужно крутиться, искать жильё, работу. Возвращаться было некуда.

Тогда и встретила его – начальника охраны в ЧОПе, их фирма охраняла склады, торговые центры, частные дома. Старше её на двенадцать лет – сорок два ему. Коренастый, плотный, с жёсткими руками. Бритый затылок, цепкий взгляд, привычка командирским голосом разговаривать даже в быту. Денег хватает, но не шикует. Квартира у него своя, в спальном районе Пореченска: чистенько, по-холостяцки, но с намёком на порядок: ни одной лишней вещи – всё по полочкам.

Он показался ей надёжным. Ритка тогда снимала угол у какой-то бабки, денег было в обрез. Устроилась официанткой в забегаловку – тогда она уже совсем отчаялась.

Как-то стояла на остановке с двумя пакетами. Игорь подъехал на своей белой «Бэхе». Опустив стекло, окинул её взглядом с ног до головы. Не раздевая глазами, но прицениваясь. Так смотрят на вещь, которую можно взять, если цена устроит.

– Садись, красавица. Подвезу.

Она села, потому что ноги гудели, руки оттягивали пакеты, а на улице начиналась метель. В машине пахло кожей, табаком и резким, дешёвым мужским парфюмом.

– Слушай, – он вдруг серьёзно посмотрел на неё, – а чё ты вообще хочешь? Ну, по жизни? Ритка пожалала плечами, ответила как есть:

– Как все. Работу, жильё...

Он усмехнулся, глянул мельком и сказал:

– А у меня есть и то, и другое. Если договоримся.

Она не сразу поняла. А когда поняла – рассмеялась. Это было так прямо, так по-хамски, что даже не обидно.

– И что за работа?

– Будешь ждать меня вечерами, кормить, спать со мной. Жить у меня. Нормально всё будет, если не дурить.

Ритка смотрела в окно, но краем глаза видела его усмешку и то, как он постукивает пальцем по рулю в такт своим мыслям.

– Ты всем первым встречным девчонкам предлагаешь такое? Или это я особенная?

Он хмыкнул, чуть сбавил скорость.

– Увидел тебя и понял: с этой хочу стареть.

Ритка фыркнула.

– Стареть? Романтик, блин.

– А ты думала, я просто так? – он снова глянул на неё. – Мне не баба на ночь нужна. Мне – своя, чтоб дома ждала, чтоб знал – есть куда возвращаться.

Она молчала. За окном мелькали дома, деревья, какой-то рынок.

– И что, не боишься? – спросила тихо. – Я ведь не ангел.

– Не боюсь, – он усмехнулся. – Я сам не подарок.

Она прикинула: квартира, крыша над головой, мужик при деньгах, не старый, не страшный. А то, что наглый, – так это, может, и к лучшему. С таким не соскучишься.

И верно, скучать не пришлось.

– Подумай, – сказал он, тормозя у её дома и взяв номер телефона. – Вечером позвоню.

Она вылезла, забрала пакеты. Через два дня переехала к нему, потому что выбирать было не из чего. Думала, он будет защитником, а оказалось, от себя самого защитить не мог, от собственной агрессии. И Ритка почему-то всегда оказывалась рядом, под рукой, когда эта злость искала выход.

Бил не сразу. Сначала были просто изматывающие ночные разговоры, лишаящие сна перед работой: многочасовое выяснение отношений, ревность, бытовые придирки. Однажды это переросло в яростный крик и толчки. В другой раз – в пощёчины. Следом – в ход пошли кулаки. Бил аккуратно, не очень сильно – как мог бы, почти без следов. Значит, контролировал себя, гад, не был в аффекте. На следующий день просил прощения, буквально стоял на коленях, целовал руки, дарил цветы и подарки. Клялся, что любит так, что не может жить без неё, что всю душу вымотала ему, всё сердце изорвала. А она стояла, гладила жёсткий ёжик волос на его голове и думала: как сбежать?

Но при этом глубоко внутри, в самом низу живота, уже завязывался привычный тугой узел. Она знала, что будет дальше. Эти примирения он, казалось, любил особенно. Трахал жарче, с чувством, со злостью, переходящей в нежность, засыпал обессиленный, уткнувшись носом ей в плечо, и сопел как ребёнок.

И что самое страшное, ей это тоже нравилось – именно эта часть их отношений, когда после ада наступал рай: он смотрел на неё так, будто она единственная в мире, а его руки, ещё вчера сжатые в кулаки, теперь гладили её так бережно, что хотелось плакать.

Она ненавидела его за это. И себя – за то, что жаждала этих моментов. За то, что внутри, когда он стоял на коленях, что-то ёкало и шептало: «Вот он, настоящий. Вот так и должно быть».

Потом он засыпал, и Ритка лежала рядом, смотрела в потолок и считала дни до своего ухода. Но шли недели, месяцы. Он всё стоял на коленях, а она всё гладила его по голове и никуда не уходила.

А вот с работы пришлось уйти. В тот вечер она ещё не знала, что это её последняя смена. Кафе называлось «Уют». Смешно, конечно, потому что уютом там и не пахло: липкие столы, вечно гудящая вытяжка, запах жареного масла, въевшийся в волосы так, что потом хоть голову отрезай.

Ритка носилась между столиками с подносом, улыбалась, принимала заказы, шутила с постоянниками. Восьмой столик – мужик лет сорока, с обручальным кольцом, каждый вечер заказывал одно и то же: чай с бергамотом и цезарь с курицей. Смотрел на неё масляными глазами, чаевые оставлял щедрые. В тот вечер тоже – свернул трубочкой пятисотку, сунул в руку, задержав пальцы дольше положенного.

– Красивая ты, Рита, – сказал тихо, чтоб никто не слышал. – Не место тебе здесь.

Она дежурно улыбнулась, поблагодарила, отошла. А в голове стукнуло: «А может, он? Мужик при деньгах, вроде не пьёт, не хам...»

И тут же себя оборвала: «Дура! Женат. И вообще, ты опять за своё. Опять ищешь, кто бы спас. Снова готова бежать не пойми к кому, лишь бы не решать свои проблемы самой».

Ритка сунула деньги в карман фартука и метнулась к четвёртому столику, где уже нетерпеливо махали руками. Два часа спустя, когда она пересчитывала выручку в подсобке, зазвонил телефон – Игорь.

– Где шляешься?

– Работаю ещё, – устало отозвалась Ритка.

– Работает она... Скоро будешь?

– Через час.

– Жду.

И в трубке тишина. Она посмотрела на экран, потом на мятую пятисотку в кармане.

«Ничего, – подумала. – Я сильная. Справлюсь».

Но не справилась.

– Долго это ещё будет продолжаться? – спросил Игорь, едва она переступила порог, спокойным, даже ласковым голосом, и это всегда было хуже, чем ор.

– Игорь, ты же знаешь, смена до десяти, потом пересменка, потом посуду помыть...

– Знаю, – кивнул он. – Знаю я, чем ты там занимаешься после смены. Мужики за столиками глазами тебя жрут, а ты улыбаешься им, строишь из себя...

– Я работаю, – устало сказала она, опуская сумку на пол. – Чаевые, между прочим, домой несу.

– Чаевые, – усмехнулся он. – Я же сказал не работать! Тебе денег не хватает? Я не обеспечиваю?

– Обеспечиваешь, – она старалась говорить ровно, спокойно, уже наученная горьким опытом. – Но мне надо и своё что-то иметь.

– Своё? – он поднялся с дивана. – Что своё? Шлюхам зарплату платят, да?

– Игорь...

– Заткнись!

Он подошёл и встал напротив. Она видела, как заходили желваки на его лице, как сжались кулаки. И ничего не могла сделать, только смотреть в эти бешеные глаза и ждать.

– Я кому сказал увольняться? Кому сказал дома сидеть?

– Игорь, пожалуйста...

Первый удар был лёгким, ладонью по щеке, но её голова резко мотнулась, в глазах потемнело. Ритка вскрикнула, отшатнулась, но он схватил её за плечи, встряхнул.

– Ты чё, не поняла? Я тебя спрашиваю – ты чё, не въезжаешь?

– Поняла, поняла я...

– А ну иди сюда!

Он потащил её в комнату, бросил на диван. Она сжалась, закрывая голову руками. Удары посыпались по ним, по спине, плечам, ногам.

– Будешь ещё назло мне? Будешь?

– Нет, нет, не буду...

– То-то же.

Он отдышался, сел рядом, погладил её по волосам. Она вздрагивала от каждого прикосновения.

– Дура, – сказал ласково. – Я же для тебя всё делаю. Люблю тебя, идиотку такую. А ты хочешь быть там, среди грязи...

Потом встал, ушёл на кухню. Вернулся с холодным мокрым полотенцем, положил ей на лоб.

– Полежи. Завтра колечко тебе купим. Ты у меня самая красивая, Ритка. Не зли меня больше, ладно?

Она кивнула, перевернулась, уткнувшись лицом в подушку, чтобы он не видел её слёз.

Утром он принёс завтрак в постель. Поставил цветы в вазу. Целовал руки, просил прощения, стоя на коленях, клялся, что любит так, что без неё не может ни дня. Она смотрела на него и думала: «За что мне это?»

И снова никуда не ушла. Идти было некуда. На вокзале ночевать? Отец с женой ей были не рады. Мать... Это был самый крайний вариант, отдельная история.

А потом появился Антон, приятель Игоря. Моложе, веселее, без этой вечной армейской выправки. Как-то в пятницу, после работы, они пришли, сами накрыли стол, мясо пожарили, пиво достали. Игорь был в ударе: шутил, громко смеялся, собственнически клал руку Ритке на плечо, чтобы Антон видел.

– Смотри, Антоха, – кивнул он на неё. – Хозяйка моя. И готовит вкусно, и в постели – огонь. Не баба, а мечта.

Ритка дежурно улыбнулась, поджала губы. Антон смутился, опустил глаза, но потом всё равно смотрел украдкой, когда Игорь отворачивался. Она чувствовала этот взгляд и понимала: Игорь тоже заметил.

В ту ночь обошлось. Он трахал её долго, смачно, с каким-то остервенением. Смотрел на реакцию, как ей? Ей было очень хорошо, он умел это делать. Ритка закрывала глаза и думала: «Ну почему ты не можешь быть таким всегда? Почему любовь у нас только в постели, а в жизни – ад?»

А утром Игорь спросил, глядя в стену:

– Нравится он тебе?

– Кто?

– Антон.

– Ты с ума сошёл? – она даже засмеялась. – Я его первый раз вижу.

Он промолчал, но Ритка уже знала: это не конец.

Антон стал частым гостем: то по делу забежит, то за инструментом, то просто «мимо проходил, дай закурить». Игорь, казалось, не возражал, даже сам иногда приглашал: «Заходи, посидим». Ритка быстро поняла: ему нравится эта игра. Антон смотрит на неё, а она – его, Игоря. Но каждый раз после ухода приятеля Игорь менялся. Сначала не бил. Просто молчал, сверлил взглядом, цедил сквозь зубы: «Чего ты на него вылупилась? Чего улыбалась? Сиськи напоказ выставила?»

Она огрызалась – он орал. Она замолкала – он успокаивался.

Первый раз после этого ударил через месяц. Сильно, наотмашь. За что? За то, что Антон, уходя, сказал ей: «Пока, красавица». Игорь услышал.

– Будешь ещё ему улыбаться? – спросил, глядя, как она трёт щёку.

– Не буду...

Но Ритка была бедовой. Или просто безмозглой. Однажды Антон подкараулил её на улице, прижал к себе, в любви признался.

– Отвали, – дёрнулась она. – Проверка от Игоря, понятно.

– Какая проверка? – он даже обиделся. – Пошли, если не веришь, в ЗАГС заявление подавать?

– А пошли! – выпалила она. – Паспорт с собой?

Ей интересно было, докуда дойдёт, но он шёл. Серьёзно – шёл. Не сворачивал, не сбавлял шаг, не начинал смеяться над ней. Она сама остановила его, когда они уже заполняли заявления и ждали у кабинета.

– Повременим, – сказала. – Подумать надо.

А через неделю они оказались в постели, у него дома. Ритка сначала, когда шла к нему, мстительно думала об Игоре: «Так тебе и надо, скот».

Но когда разделись, всё пошло не так: он был маленький. Совсем. Не рост, конечно, с этим как раз всё было нормально, а вот там... Ритка сначала увидела, а потом ощутила – ей было так пусто и неловко, что она чуть не рассмеялась прямо в процессе.

Он закинул её ноги высоко, сам торопился, пыхтел, потел, слюняво дышал в ухо, даже не пытаясь ей угодить. Его руки суетливо бегали, тело наваливалось тяжело и неуклюже, и главного у Ритки не получалось даже близко. Просто нечем было. Она лежала и с ужасом думала: «И из-за этого чудака я точно отхвачу».

«Нет», – сказала она ему уже после. Отказала довольно деликатно, но причина была очевидна. Одевшись, ушла, не дожидаясь продолжения этого фарса. Антон звонил, писал, но она не отвечала – не смогла. Даже от отчаяния, даже ради спокойной жизни, которой Игорь, кстати, точно не дал бы им, узнав.

И Игорь, конечно, узнал – откуда, было понятно.

«Убью, рыжая тварь!» Она сразу поверила, потому что такие, как он, не угрожают просто так. Да, не стоило спать с его приятелем.

...На вокзале было душно, одуряюще пахло шаурмой, из динамиков гремели бесконечные объявления. Рита взяла кофе и пирожок, пристроилась на лавочке у платформы, поставила сумку между ног, чемодан прижала коленом, чтобы не украли. Кофе из автомата оказался горьким, обжигающим и пах химией. Она пила маленькими глотками, морщилась, но не могла остановиться: надо было занять руки и голову хоть чем-то.

Вокруг кипела жизнь. Мужик с огромным баулом тащил за руку сонного пацана. Тётка в цветастом платье катила чемодан на колёсиках, пристроив сверху переноску с котом. Напротив, на скамейке, парень с гитарой тихонько перебирал струны, что-то напевая себе под нос. Все куда-то спешили: по делам, в гости, на отдых. А она? Притулилась здесь со своими пожитками, с синяками и ощущением, что жизнь кончена. Или, скорее, не жизнь, а её жалкое подобие.

Ритка допила кофе, смяла стаканчик и долго смотрела, как остывший пластик медленно распрямляется.

«Куда я еду? Зачем?»

Ответа не было.

До электрички оставалось минут двадцать, когда она набрала номер. Телефон пиликнул, пошли длинные гудки: раз, два, три. Наконец раздался резкий, недовольный голос:

– Да?

– Мам, это я.

– Вижу, что ты.

– Я приеду. Сейчас.

– Куда?

– В Ромашино. К тебе.

Мать сначала молчала, потом тяжело вздохнула.

– Надолго?

– Не знаю пока. Дом большой, не притесню.

– Большой-то, оно так, – мать хмыкнула, – но на мои деньги не рассчитывай.

– Когда это я на них покушалась? Или я не могу в свой дом приехать? Право имею, если ты вдруг забыла.

– Право она имеет... – мать фыркнула. – Ни разу по счетам не платила. Всё я.

– Так и живёшь там – ты! – отрезала Ритка. – Ладно, разберёмся.

И нажала отбой.

Телефон мигнул и погас – батарейка окончательно села. Ритка сунула его в карман, закрыла глаза и откинулась на спинку скамейки.

В голове набатом стучало: «Дура, дура, дура...»

ГЛАВА 2

Электричка оказалась современной: чистая, с мягкими креслами, кондиционером и даже розетками между сиденьями. Ритка устроилась у окна, прижавшись виском к прохладному стеклу и наблюдала, как за окном мелькают берёзы, поля, деревушки.

Рядом, развалившись, сидела полная женщина в полосатом сарафане, окруженная пакетами из сетевого продуктового. Ее ноги в разношенных босоножках вытянулись почти на весь проход. Ритка покосилась на грязные пятки и сбитые набойки, поморщившись: «Лишний раз теперь не выйдешь. Перешагивай через неё, танцуй...»

Отвернувшись обратно к окну, она погрузилась в воспоминания.

...До пятого класса всё было нормально. Отец, строгий и властный, в форме, – таким и запомнила его, служил в колонии под Пореченском. Он никогда не бил, не кричал даже. Наказывал за проступки по-своему: заставляя книжку прочитать страниц двадцать и пересказать. Ещё сладостей лишал, мультиков. Справедливо.

Жили хорошо. Ходила она и в бассейн, и в кино, на ёлки. Летом ездили на море, в Анапу, останавливаясь в пансионате с бассейном и «шведским столом». Одежда была у неё хорошая, не хуже, чем у других. Всё как у людей было, но внезапно, как гром среди ясного неба, жизнь Ритки перевернулась.

Когда она училась в пятом классе, отец ушёл к любовнице. Оказалось, у него давно была другая женщина. Он умело скрывал это: задерживался на работе, уезжал в командировки, а на самом деле... Мать рыдала неделями, не вставая с постели. Сначала и Ритка плакала, уткнувшись в подушку, чтобы никто не слышал. А потом выяснилось страшное: мать её не любит. Пока отец был рядом, пока семья держалась, это было не так заметно. Но когда всё рухнуло, стало ясно – Ритка раздражает мать: «Вся в отца!» Рыжая, веснушчатая, с большим ртом, говорит громко, смеётся – тоже громко. Вся в него.

– Угомонись, прорва, – шипела мать. – Не ори! Не прыгай! Не беси меня!

Ритка затихала, забивалась в угол и наблюдала, как мать курит в форточку, глядя пустыми глазами в стену. Папаша, оказалось, тоже её не любил, а просто терпел, пока не появилась та, весёлая, не то что мать. У них родилась девочка, тоже рыженькая и кудрявая. Ритка видела её раз в коляске: пухлую, розовую, в кружевных ползунках.

Отец изредка приходил по выходным, вручал шоколадку, водил в кафе. Говорить было не о чем. Сидели молча, глядя в тарелки. Ритка понимала: он тяготится, приходит по обязанности, а сам думает о своей новой семье, о новой дочке, которую любит по-настоящему. Тогда она осознала: она никому не нужна.

С деньгами стало туго. Мать, которая никогда толком не работала, вдруг поняла, что жить не на что. Пошла уборщицей – уволилась через месяц. Продавцом – продержалась две недели. «Там кругом одни идиоты, – жаловалась она. – Невозможно находиться. Унижают, платят копейки».

Мать окончательно теряла силы и желание бороться. Просто опускалась на дно, увлекая Ритку за собой.

Иногда голодали. Пачки «Геркулеса» хватало на три дня – и больше не было ни крошки. Рита варила жидкую кашу на воде, делила на три раза и считала завитки настенного ковра, чтобы не думать о еде.

Алименты от отца приходили – на них и жили. Но они как-то быстро тратились на долги, коммуналку, сигареты матери. Та была транжира в самом буквальном смысле. Не умела и не хотела разумно распоряжаться скудным бюджетом. В первый же день после получения денег покупала дорогие продукты, они съедались, а через неделю в холодильнике не оставалось

ничего. Сначала подруги и знакомые давали займы, но со временем поток помощи иссяк, и желающих поддержать почти не осталось.

В школе Ритка скатилась сразу. Не до учёбы стало, когда в голове билась одна мысль: «Где бы поесть?»

Подаренный отцом на день рождения хороший телефон пришлось продать, а взамен купили ей старенький бэушный. Компьютера или ноутбука у неё, конечно, не было, и это постоянно создавало проблемы – уроки частенько было не на чем делать. С этим выручала Владка – лучшая подруга. Иногда единственным приёмом пищи за день становился ужин у неё дома. Ритка приходила, делала вид, что просто в гости, и ела всё, что предлагали. Владкины родители думали, что она просто хорошо ест – растёт, а она росла на их котлетах.

Но Ритка не унывала, оправилась уже после ухода отца. В школе научилась делать вид, что всё отлично, что жизнь прекрасна, а сама она – весёлая и классная девчонка. Хотя голова иногда болела от голода, коленки дрожали, а руки тряслись, она смеялась, шутила, задирала парней и строила глазки.

Она научилась не париться, когда ей отдавали донашивать Владкины вещи. Та, высокая и длинная, выростала из одежды и обуви быстро, а Ритка была мелкой, и ей подходило идеально. Она благодарила и улыбалась – что ещё оставалось? Слёзы в подушку были давно уже выплаканы.

А потом появился отчим. Мать называла его ласково «Аркашечка», заглядывала в рот, порхала вокруг него, как бабочка. Сам же он был невысокий, уса́тый, с пузцом, выпирающим из-под засаленных рубашек. Ритка прозвала его «Тараканом» про себя – вслух боялась, конечно.

Поначалу казалось, что жизнь налаживается. Мать ожила, стала улыбаться, перестала смотреть в стену пустыми глазами. Работать ей больше не нужно было – Аркашечка трудился на заводе и, по их меркам, неплохо зарабатывал. В холодильнике появилась еда, на столе – скатерть, в материнских глазах – блеск. Но очень скоро стало ясно: раньше было лучше. Ритку начали попрекать едой. Сначала мать:

– Это для папы пирог, не тронь.

Рита смотрела на румяный бок, ноздри щекотал запах ванили, но она отходила, сглатывая слюну.

– Мелкая вошь, а жрёшь как слон, – шипела мать, когда Ритка тянулась за хлебом.

Даже суп наливали по-разному. Ей – жижу с луком. Ему – густой, с мясом и картошкой.

– На, папочка, кушай, – ворковала мать, ставя перед ним тарелку.

«Папочка»! Ритке вместо отца он так и не стал. Видя, как мать к ней относится, Аркашечка тоже осмелел. Начал выговаривать за тройки, за то, что позже пришла, за громкий смех, за то, что вообще жила.

Тогда она научилась есть тайком, пользуясь любой возможностью. Отрежет лишний кусок колбасы – и в рот быстро, боясь быть пойманной. Конфету вытащит из припрятанных – и за щёку, чтоб не хрустела. Получала, конечно. Мать руки распускать начала: за волосы таскала, раздавала, не стесняясь, подзатыльники, затрецины, да так, что голова дёргалась. Таракан тоже не отставал. Ремень взял в привычку в ход пускать – по ногам, по заду, но в одежде. Бил с удовольствием, с чувством, с расстановкой. Никаких поползновений в другую сторону, к счастью, не было. Просто тупая, бытовая жестокость: тычки, подзатыльники, оплеухи. Никто их не считал, отвечивали оба щедро.

Но Ритка всё не унывала.

Во-первых, жила надеждой на спасение. Где-то там, в будущем, ждал ОН. Не принц – это слишком пафосно, а просто ОН: красивый, непременно богатый, добрый, сильный. Тот, кто придёт и решит все проблемы. Заберёт её отсюда и увезёт далеко-далеко, где не пахнет «тараканьим» брюхом и мать не шипит: «Жрёшь как слон».

Во-вторых, все каникулы она проводила у бабушки Даши в Ромашино. Там тоже не рай был: на огороде целыми днями приходилось пахать, дом намывать, кур и кроликов кормить. Дед с бабкой – люди старые, строгие, со своими порядками, но не били и кормили нормально: три раза в день, горячим, без поправок. Ритка отъедалась, отсыпалась, отогревалась душой. Возвращалась в Пореченск всегда румяная, округлившаяся, с блеском в глазах.

Мать смотрела на неё волком. С восьмого класса, едва Рита вступила в подростковый возраст, мать начала подозревать её в беременности каждую осень. Орала, била по щекам, загоняла в угол вопросами: «С кем шлялась? Кто он? Аборт делать будешь?» Успокаивалась только когда лично видела использованные прокладки. Выдыхала, отворачивалась, будто ничего и не произошло.

Однажды Ритка заикнулась было:

– Может, мне в деревню жить переехать?

Мать скривилась, ухмыльнувшись:

– Да кому ты нужна, большеротая? Тебя и так еле терпят там.

Узнать об этом у самих бабушки с дедом она догадалась позже, через год, кажется. Прижалась к бабе Даше, спросила тихо, боясь ответа. А та глянула на неё поверх очков и сказала просто:

– Приезжай. Место есть.

Она задохнулась от счастья. Решила, что в следующий раз – и навсегда – соберёт вещи и уедет. Но тут взъерепенилась мать: кто будет дома убираться? Весь быт на Ритке лежал: мыть, стирать, за продуктами ходить (с отчётом по чекам). Только готовку мать не доверяла – сама стряпала для своего Аркашечки. Не отпустила. Так и жили до тех пор, пока их с квартиры не погнали. Жильё-то, оказывается, было бабкино – по папиной линии. Пока они с матерью жили сами, бабка Люба терпела: внучка живёт всё-таки, не чужая. Долго терпела – до десятого Ритино класса. Но однажды пришла, глянула на Таракана своими колючими глазками, поджала губы и сказала коротко: «Съезжайте». Мать попыталась было спорить, но бабка даже слушать не стала: «Пожили – и хватит!»

Таракан сразу как-то сник. Ему явно не улыбалось искать жильё, да ещё с таким довеском, как чужая девчонка. Он сидел на кухне и молча курил. Мать металась по квартире, причитая. Ритка подозревала: это добром не кончится.

Но, вопреки всем ожиданиям, всё обернулось к лучшему. Таракан быстро сбежал. Собрал скудные пожитки в два пакета и исчез в направлении своей общаги, даже не попрощавшись. Мать потопталась на пороге, глянула на Ритку и произнесла:

– Я к нему. А ты... ну, не знаю. Как-нибудь.

И ушла.

Ритка осталась одна в пустой квартире. Сидела на полу, пытаясь понять: её бросили или освободили? Через пару дней выяснилось, что мать звонила бабке Любе и отцу. Сказала: «Забирайте свою девчонку или отказную напишу. Пусть в детдом чапает, недолго осталось алименты государству платить – до совершеннолетия».

Как уж они там судили-рядили, но в итоге её оставили в квартире. Отец с бабкой присматривали за ней. Раз в неделю привозили продукты, давали немного денег на самое необходимое, но Ритке хватало. Вторую комнату быстро сдали квартирантке – Анне, женщине средних лет, бездетной, после развода. Договорились: она приглядывает за Риткой и за порядком в квартире. Анна оказалась тихой, незаметной, не в своё дело не лезла, но еду проверяла в холодильнике и могла спросить строго: «Ты сегодня ела вообще?»

И Ритка зажила!

Сначала она просто выдохнула. Перестала вздрагивать от каждого шороха, таскать еду тайком, ждать подзатыльника. А потом расцвела.

Из зашуганного цыплёнка, которого били и пинали, она превращалась в ту, кем всегда должна была быть. Серые глаза распахнулись, засияли. Огненная копна волос перестала быть поводом для насмешек, став её гордостью, а пухлые губы свели с ума не одного парня в школе.

К концу десятого класса Ритку было не узнать. Она опять громко смеялась, ходила по коридорам, виляя бёдрами и лоявя взгляды. Яркая, весёлая, её невозможно было не заметить. Смотрели все: и мальчишки, и девчонки, и даже учителя. Королева. Без короны, но с рыжей гривой.

Почти сразу после школы она выскочила замуж и переехала к мужу. Бабкину квартиру продали, деньги поделили, Ритке тоже перепало немного, но всё ушло на свадьбу да ноутбук купила.

Прошло время. Аркашечка помер – сердце, говорят. Мать пожила ещё немного в его комнате в общежитии, но быстро выперли: не жена, не родственница, никаких прав. Она собрала пожитки и подалась в Ромашино, к своей матери – бабе Даше.

Та встретила её на пороге, глянула поверх очков и сказала коротко: «Живи». А через неделю приехала в Пореченск оформлять дарственную на дом на имя Ритки.

– Чтоб знала, – сказала баба Даша тогда. – Твоё это, а она так... пожилая квартирантка.

Бабы с дедом вскоре не стало, умерли быстро, в один год, словно сговорились. Мать осталась жить в доме одна.

...Электричка плавно, с шипением, остановила ход. Ритка очнулась от воспоминаний, глянула в окно – старая, знакомая платформа. Поднявшись, она перешагнула через ноги храпящей тётки, чуть не наступив ей на пятку. Та дёрнулась, замычала во сне, но даже не проснулась. Ритка выскочила на перрон, вдохнув горячий июльский воздух. Пахло пылью, травой и чем-то ещё, далёким, забытым – детством, что ли?

Покатила чемодан по булыжной мостовой. Колёса жалобно скрежетали по камням. Сумка постоянно сползала с плеча, рюкзак болтался за спиной, ляжки впивались в кожу. Каблуки то и дело проваливались между камнями, Ритка спотыкалась и думала: «Снять их, что ли, или дальше мучиться?» Но босиком было бы ещё хуже: камни острые, осколки бутылок то тут, то там.

Кое-как доковыляв до асфальта, она выдохнула с облегчением. Колёсики наконец покатались по более-менее ровному полотну дороги. Впереди виднелся мост, за ним – улица Заречная и бабушкин дом.

Она перешла через широкий бетонный мост, по которому туда-сюда ездили машины и мотоциклы. По бокам были аккуратные пешеходные дорожки, отделённые парапетом от проезжей части. Ритка перехватила сумку поудобнее и зашагала дальше. Вот она – улица детства: сначала тянулись обычные деревянные избы, а чуть дальше, в сторону леса, стояли пять кирпичных домов в ряд. Добротные, крепкие, все двойные, на две семьи. Когда-то богатый совхоз построил их для своих работников, и видно было, что хозяева здесь есть: ухоженные палисадники, крашенные заборы, цветы, грядки, кое-где новенькие пластиковые окна поблёскивали на солнце.

Её дом, второй по счёту, казался чужеродным элементом в этом ряду, словно нарыв на здоровом теле: покосившиеся ворота, облупившаяся краска, доски, отставшие от столбов. Ритка толкнула калитку, висевшую на одной петле, будто пьяная. Та, противно скрипнув, подавалась внутрь.

Палисадник утопал в траве по пояс. Ни цветов, ни ухоженных кустов – лишь буйство сорняков да крапива, которая жглась, задевая голые ноги. Ритка поморщилась, отступив на узкую дорожку из выщербленных кирпичей.

За домом виднелся огород: чахлые перья лука, пара скудных грядок с укропом, какая-то ботва – то ли морковь, то ли свёкла, не разобрать. Всё остальное в запустении.

– Себе же на прокорм посадить не может, – пробормотала Ритка, опуская сумку на землю и оглядевшись.

Вокруг царила тишина, нарушаемая лишь отдалённым лаем собаки за забором да шелестом ветра в высокой траве. Ритка перевела дух и пошла к крыльцу.

ГЛАВА 3

Дверь оказалась незапертой. В прихожей стоял едкий, кислый запах. Воняло чем-то застарелым, от чего захотелось зажать нос. На вешалке висело засаленное пальто, под ним – гора сваленной обуви. Ритка перешагнула через растоптанный тапок и пошла на звук: из кухни доносилось бормотанье телевизора.

Мать, полная и обрюзгшая, сидела за столом в распахнутом на груди халате. Некогда яркий, он теперь превратился в бесформенное, полинявшее нечто с пятнами неизвестного происхождения. На голове топорщились короткие, выжженные в желтизну кудряшки. Перед ней стояла кружка, в руке дымилась сигарета. Пепельница, полная окурков, источала тошнотворный запах.

– Явилась, – произнесла мать, не оборачивая головы. Голос был сиплый, с одышкой. – А я уж думала, пропала где-нибудь по дороге.

Ритка поставила сумку у порога, оперлась о косяк. Ноги гудели, хотелось просто сесть и не вставать.

– Здравствуй и тебе... мама.

Мать наконец повернулась: лицо отёкшее, под глазами мешки. Она оглядела Ритку с ног до головы – платье, каблуки, чемодан – и хмыкнула.

– Мужик бросил? Или сама сбежала?

Ритка усмехнулась.

– А тебе-то что?

– Мне ничего, – мать затынулась, выпуская дым в потолок. – Ты зачем припёрлась?

– Жить буду.

– А я тебя звала? Места, что ли, больше нет, где жить?

– Дом, между прочим, мой.

Мать дёрнулась, но смолчала. Ритка окинула взглядом кухню: гора грязной посуды в раковине, засохшие пятна на плите, липкий линолеум. В углу стояло ведро с мусором, из которого торчали какие-то пакеты.

– Бардак-то развела, – устало произнесла Ритка.

– А ты пришла порядок наводить? Ну давай, наводи. Руки не отвалятся.

Ритка промолчала. Сил на препирательства не осталось.

– Где я спать буду?

Мать махнула в сторону коридора:

– В бабушкиной комнате, там кровать есть. Простыни в шифоньере, если мыши не сожрали.

Ритка развернулась и направилась в ту комнату.

– Эй! – окликнула мать. – Живи, но помни: я тебя не звала. Ты сама припёрлась. Так что не жалуйся потом.

– Не буду.

В бабушкиной спальне пахло сыростью, застоявшимся воздухом и ещё чем-то неуловимым – то ли старой мебелью, то ли пылью, которую не вытирали годами. Но в целом было относительно чисто. Мать сюда, судя по всему, не заходила – её следов не чувствовалось.

Ритка опустила сумку на пол, прислонила чемодан к стене и огляделась. Двухспальная кровать, занимавшая почти всю комнату, притягивала взгляд. Подойдя, она откинула пыльное покрывало и с удивлением обнаружила: матрас оказался на удивление приличным, даже пружины не прощупывались. По бокам притулились две тумбочки: на одной – настольная лампа с запылённым абажуром, на другой – стопка пожелтевших газет. Напротив высился массивный платяной шкаф с зеркалом. В углу, под слоем пыли, висела полка-божничка с иконами и засох-

шими веточками. Письменный стол и стул с высокой спинкой стояли у окна. Ритка подошла, распахнула оконные створки. Горячий воздух ворвался внутрь, вытесняя запах сырости.

Вид отсюда открывался невесёлый: буквально в паре метров тянулись бывшие кроличьи клетки – два длинных яруса с ржавыми сетками. Пустые, конечно. Справа высился глухой забор, отделяющий их половину от соседской. Слева виднелась калитка, ведущая в основную часть двора.

Ритка постояла у окна, вглядываясь в этот до боли знакомый пейзаж. Солнце нещадно палило, в траве стрекотали кузнечики, где-то за забором лениво лаяла собака.

«Ну вот, – подумала она. – Домой вернулась».

Смешно – домой. Она отошла от окна, опустила на край кровати, прижала ладони к лицу.

И как теперь? Одной?

Усмехнулась. Одной – это она умела. Всю жизнь одна, если разобраться, даже когда кто-то был рядом. И мужиков-то у неё в жизни было – пальцев на руке хватит пересчитать к её тридцати годам. У многих куда больше к двадцати бывает. Вспомнился Егор. Как не вспомнить-то, если вот за этой стенкой он жил с родителями, во второй половине дома.

Ритка закрыла глаза. Столько лет прошло, а она всё помнила до мельчайших подробностей. Его запах – чуть терпкий, кожу под своими ладонями – горячую, суховатую. Глаза, в которых тонула.

Воспоминание накрыло с головой. Она снова чувствовала его руки, его губы, его дыхание. И это было так остро, так больно и сладко одновременно, что захотелось плакать. Где он сейчас? Жив ли? Женат? Вспоминает ли хоть иногда?

Дурацкие вопросы. Конечно, нет. Зачем ему вспоминать её?

...Тело своё Ритка изучила давным-давно, знала: где, что и как отзывается, умела получать удовольствие и не стеснялась этого перед собой. Однако с невинностью расставаться не спешила, хотя томление – вот это, липкое, тянущее где-то внизу живота – при виде крепких парней порядком мешало. Но хотелось, чтобы пожар в груди был, а не просто чтобы искры и крышу сносило. А не вот это всё, про что подружки шушукались: «Больно», «Неловко», «Быстро» и «Он потом друзьям рассказал».

Никакая учёба, конечно, не стояла у неё на первом месте. Ритка жаждала любви всем своим существом, но никак не могла определиться. Влюблённость стала её перманентным состоянием. Парней классных, которых она хотела, было много: то один, то другой, то третий, и все сразу. Так что настоящая любовь, получается, пока ещё не пришла.

А встретиться должен был тот, кто женится и даст всё, что она хочет. Он должен был быть красивым – обязательно. Весёлым – само собой, с кислой рожей она и сама справлялась и у других видеть не хотела. И с деньгами – это главное, потому что эти драмы безденежья, вечная экономия и голодное детство Ритка знала слишком хорошо. Нужен был тот, кто выдернет её из этого болота, в котором она билась как рыба об лёд.

И такой парень, вроде бы, появился – Егор.

Он с родителями переехал в их посёлок откуда-то с Урала, и Ритка моментально потеряла голову, а вместе с ней – и трусы. В самом буквальном смысле.

Познакомились так: девчонки стояли у магазина, тусовались, как обычно: кто на лавочке, кто на парапете, кто на корточках, попивая газировку из стеклянных бутылок. Лето, жара, скука.

Он подошёл с каким-то вопросом – среднего роста, коренастый шатен. Волосы не кучерявые, а именно вьющиеся – такие, которыми можно эффектно тряхнуть и пригладить красивым жестом, что он и сделал, очаровательно улыбнувшись. У него были яркие, смеющиеся карие глаза, на щеках играли ямочки, а ещё одна – на подбородке. «Сладкий какой», – подумалось тогда. Девчонки оживились, но она быстро перехватила его внимание – это Ритка умела.

Она что-то рассказывала, смеялась, поправляла волосы, дурачилась, чувствуя, как он на неё смотрит. Хорошо так смотрит, с интересом.

Девчонки снова уткнулись в телефоны и вернулись к своей болтовне. Ловить им было нечего. А они с Егором стояли, болтали. Ритка стремительно таяла, глядя в его тёплые глаза.

И вдруг – р-раз! Она почувствовала это сразу. Сначала просто что-то ослабло, потом скользнуло по ногам. Резинка на её дешёвых, растянутых, сто раз стиранных трусах лопнула. И они упали прямо на сандалии.

Риткина спина моментально покрылась липким потом, жар обжёг кожу, прокатился горячей волной стыда по всему телу. Она онемела от ужаса, стояла с открытым ртом, позабыв, как дышать.

Егор посмотрел вниз, затем на неё, снова вниз. И, присев на корточки, потянул за предательскую тряпку. Ритка, сама не соображая, что делает, шагнула, высвобождая ноги из этого кошмара. Он быстро подобрал трусы, сунул их в карман своих джинсов и замер, делая вид, что поправляет ремешок её сандалий.

Всё заняло пару секунд. Кажется, девчонки ничего не заметили, иначе быть бы ей опозоренной навечно. Егор поднялся, а в его смешливых глазах плескалось что-то такое, от чего у Ритки снова вспотела спина, но уже по другой причине.

– С тобой не соскучишься, – шепнул он одними губами и улыбнулся.

А она стояла и не знала, провалиться ей сквозь землю или прыгать от счастья. Такой подставы в её жизни ещё не было. И такого парня – тоже.

Он очаровал даже строгую бабу Дашу. Увидел её у колодца: бабуля сама, кряхтя, вытягивала ведро, перехватывая цепь дрожащими руками. Егор шмыгнул в калитку, подхватил вёдра и понёс к дому, ещё и выговаривая на ходу:

– Женщинам тяжёлое нельзя носить. Для этого мужчины есть.

– Ишь ты, мужчина, – покачала головой баба Даша, но в её голосе явственно проступало удовольствие.

Ритка видела это из окна, выглядывая из-за занавески, наблюдая, как он идёт, как несёт вёдра, улыбаясь чему-то своему. Она вообще теперь ловила каждое движение у соседского дома, ждала, когда он выйдет, пойдёт по двору или просто мелькнёт между грядами.

– Егорушка, – звала баба Даша, завидев его у забора, – иди пирожков возьми.

И он шёл, сидел за столом на веранде, неспешно попивая чай, а они с бабулей слушали его, затаив дыхание. Ритка сидела рядом, млела, тербила край сарафана под столом и не могла отвести от него глаз. Он говорил о своей жизни: о частых переездах из-за службы отца, о Казахстане, где родился, о Севере, где учился, об Урале, где жили недавно. Рассказывал интересно, с шутками, с подробностями, будто книжку вслух читал.

Баба Даша слушала, кивала, подкладывала ему пирожки. Ритка же думала: «Только бы не уезжали больше, только бы остались».

О судьбе трусов своих она стеснялась спросить, конечно. А Егор тоже, к её удивлению, не напомнил о том позоре ни разу, ни словом, ни взглядом, будто и не было ничего. Ритка даже начала сомневаться, не приснилось ли ей всё это.

Вечерами они гуляли вдоль реки, по деревенским тропинкам, которые Ритка знала с детства. Он рассказывал о гарнизонах, она – о школе, матери, бабе Даше. Егор слушал внимательно, не перебивая, только иногда улыбался чему-то своему.

И не приставал совсем, даже за руку не брал. А Ритке так хотелось, что ночами лежала, смотрела в потолок и думала о нём: о его руках, улыбке, о том, какая у него тёплая кожа.

Поцеловала сама.

Место называлось в деревне «Обрыв любви» или просто «Обрыв». Высокий берег, внизу серебристой лентой змеилась река, вокруг шумели старые, высокие сосны. Одна, самая древняя, нависала прямо над водой, распластав корни по краю, будто держалась из последних сил.

На ней удобно было сидеть, свесив ноги, и смотреть вниз. Здесь встречались, целовались, признавались в любви. Об этом свидетельствовали многочисленные надписи, вырезанные ножом на стволе: «Оля+Миша», «П+Д», «Кирия и Таня» и множество других, уже стёршихся от времени.

Однажды Ритка привела туда Егора. Сидели молча. Солнце садилось, река внизу темнела, становясь почти чёрной. Ритка смотрела на горизонт, чувствуя, как бешено колотится сердце. Егор сидел рядом, задумчиво глядя вдаль.

– Красиво тут, – тихо произнёс он.

– Ага.

Она набрала воздуха в грудь, на секунду зажмурилась и подалась к нему. Поцеловала легко, почти невесомо, лишь коснувшись губами его губ. Так, чтобы можно было рассмеяться, подразнить, сказать: «Я просто пошутила», если что.

Но он не дал отпрянуть. Рука легла на затылок, притянула обратно. Вторая обхватила талию, прижала к себе. И он сам стал целовать – уже не невесомо, а так, что у неё внутри всё оборвалось и полетело вниз, будто с этого самого обрыва.

Она обмякла в его руках, забыв своё имя, где она и что вообще происходит на этом свете. Только он, только этот момент, который хотелось продлить навсегда.

Так и повелось. Они встречались каждый день: гуляли, сидели на обрыве, целовались до одури, до онемевших губ, до дрожи в коленях. Ритку жгло желание – отдаться, раствориться, чтобы это наконец случилось. Она совсем потеряла голову, спала и видела его руки, его губы, его всего.

Егор, казалось, тоже изнемогал. Ритка чувствовала это по его тяжёлому дыханию, когда они отрывались друг от друга, по тому, как он отводил глаза, как сжимал кулаки, пытаясь успокоиться.

Но уединиться им было негде.

У неё дома были баба Даша и дед. У Егора – отец, который работал сменами, но мать – домохозяйка. На улице – деревня, глазастые соседи, везде люди, везде кто-то ходит, смотрит, обсуждает.

А первый раз требовал хоть какого-то комфорта. Пробовали на сеновале – невозможно. Ритка моментально начинала чесаться, чихать, глаза краснели. Сено колосось, лезло в нос, в рот, за шиворот, пыль стояла столбом. Она пыталась терпеть, но организм не обманешь. Егор смотрел на её мучения и только головой качал.

– Всё, – сказал он после третьей попытки. – Больше никакого сена. Ты как аллергик на цветущую поляну.

Пробовали поздно вечером, когда вся деревня уже спала. У него на участке стояла старая, тёмная баня, пахнущая деревом и мылом. Ритка кралась за Егором вдоль забора, затаив дыхание. Сердце колотилось так, что, казалось, на всю улицу слышно. Он открыл дверь, та жалобно скрипнула. В тот же миг в окне родительской спальни загорелся свет.

– Кто там? – грозно пророкотал отцовский голос.

Собака захлебнулась лаем, рванула с цепи, и будка загремела, словно разваливаясь. Егор схватил Ритку за руку, и они побежали через огород, пригибаясь, перепрыгивая через грядки, не разбирая дороги. Лопухи на меже хлестали по ногам, колючки цеплялись за подол сарафана, оставляя царапины. Влетев в калитку, они скатились по тропинке к реке и только там рухнули, задыхаясь.

Ритка согнулась, упершись руками в колени, пытаясь отдышаться. Егор стоял рядом, тяжело дышал, но уже улыбался.

– Быстро ты бегаешь, – выдохнул он и добавил: – Чуть не спалились, слишком громко дышала.

– Я? – возмутилась она сквозь смех. – Это ты сопел как старый паровоз.

Он обнял её, притянул к себе, уткнувшись носом в макушку. И они замерли так, слушая, как вдалеке затихает собачий лай, как плещется вода у берега, как колотится сердце – уже не от страха, а от осознания того, что они близко.

Как-то раз они отправились за деревню, в луга. Трава там была высокая, напоенная ароматами мяты и клевера. Ритка лежала на полотенце, устремив взгляд в бездонное небо. Егор наклонился, стал нежно гладить её плечи, затем ниже. Его руки медленно, не торопясь, скользили по телу, раздевая её. Она закрыла глаза, пытаясь отдалиться этим прикосновениям, но уже через минуту резко подскочила. Ей всё время казалось, что по ногам кто-то ползёт, трава кололась, какие-то букашки щекотали кожу. Она хлопала себя по бёдрам, оглядываясь по сторонам, не в силах расслабиться.

– Невозможно, – простонала она, натягивая трусы. – Я не могу так. Мне кажется, тут змеи.

– Змей нет, – успокаивал Егор. – Я проверял.

– А букашки?

– Букашки есть. Это луга, Рит.

Она села, обхватив колени, и чуть не расплакалась от досады.

Но кое-что они всё же наловчились делать: то, что не требовало особых условий. Рита научилась доставлять удовольствие ему везде, где можно было спрятаться от чужих глаз: в лугах, за сараем, под раскидистой ивой у реки. И он тоже, прислонив её к дереву и встав на колени, заставлял стонать, закусывая губу, чтобы никто не услышал.

Так они и провели лето, ждали какого-нибудь случая. И это ожидание было сладким и мучительным одновременно. А в середине августа родители Егора уехали на свадьбу к родственникам в соседний район на два дня. Ему велели за домом смотреть, кур и собаку кормить, и чтобы никаких гулянок.

Он сказал Ритке в тот же вечер, как узнал. Она сначала не поверила, переспросила дважды, а когда поняла, сердце ухнуло куда-то вниз.

– Два дня? – переспросила она. – Точно?

– Два. Точно.

– И что мы будем делать?

Он посмотрел на неё так, что у Ритки коленки задрожали.

– Всё, – ответил просто.

Оставалась одна проблема – как попасть в дом незаметно для посторонних глаз. Деревня есть деревня. Здесь каждый шаг видно, каждая калитка скрипит, а у соседей, кажется, глаза и на затылке есть. Дом Егора хоть и близко, но заявиться туда среди бела дня означало напрочь потерять стыд и готовиться к пересудам.

Ритка перебирала варианты. Через огород? Там забор, конечно, низкий, но соседка с другой стороны вечно торчит на своих грядках. Через калитку? Это же прямо на виду у всей улицы!

– Ночью, – сказал Егор. – Только ночью.

– А если собака?

– Ну я же с тобой, замолчит.

Поздно вечером она собиралась как на спецзадание. Оказалось, Егор накануне предусмотрительно расшатал доску в заборе, разделявшем их участки. Теперь можно было не светиться на улице, а просто проскользнуть из одного двора в другой, как тень.

Ритка в своей спальне устроила настоящий шпионский штаб. Из одежды скатала подобие человеческой фигуры под одеялом, если вдруг бабуля заглянет, хотя та никогда таким не занималась, но мало ли. Старая привычка прятаться от матери в своё время научила быть готовой ко всему.

В какой-то момент мелькнуло в голове: «Да какого?.. Взрослые люди же, восемнадцать исполнилось. Что хотим, то и делаем».

Но бабуля бы такого не одобрила. А терять расположение единственного человека, который любил её по-настоящему, Рита была не готова.

Она привела себя в порядок с особой тщательностью. Долго смотрела в зеркало, перебирая пряди волос. Хотя душ уже был принят, на всякий случай она ещё прошлась влажными салфетками по самым стратегически важным местам. Сердце трепетало где-то в животе.

Выскользнув в коридор, она кралась по миллиметру, наизусть зная, где какая половица предательски скрипнет. Дверь на веранду открылась беззвучно: петли были заранее смазаны подсолнечным маслом. Крадучись, она пошла через двор к забору, где в темноте уже угадывалась знакомая фигура.

Егор ждал у доски, пригнувшись. Отодвинул – она держалась на верхнем гвозде, а нижний был свободен. Ритка проскользнула, даже не зацепившись. Он тут же схватил её за руку, и они побежали к дому, едва сдерживая смех. Целовались уже с порога. Он прижал Ритку к двери, едва успев закрыть, и она забыла, как дышать. Губы были жадными, руки – везде, и ни капли той осторожности, с которой они целовались всё лето. Теперь можно было не бояться быть замеченными, не оглядываться, не прислушиваться к шагам.

Внутри у Риты всё замирало от счастья. Не верилось, что это наконец происходит, что она здесь, в его доме, в его комнате, и никто не разлучит их хотя бы до утра.

В комнате они замедлились. Он остановился, взял её лицо в ладони, посмотрел в глаза так, что у неё задрожали коленки.

– Не бойся, – прошептал он.

– Я не боюсь.

И правда, не боялась. Лишь сердце отбивало бешеный ритм, пока Егор её медленно целовал, словно исследуя каждый изгиб: шею, плечи, ключицы, грудь, живот. Ритка закрыла глаза и плыла в этом океане нежности, не веря в происходящее.

Больно не было. Кольнуло будто чуть-чуть там, внизу – и всё. А потом сразу стало хорошо. А когда нахлынуло всепоглощающее блаженство, в этом вихре ощущений мелькнула мысль: «Так вот для чего люди живут! Вот как это – любовь!»

Она ушла в четыре утра. Баба Даша вставала рано, нужно было успеть. Егор проводил её до пролома в заборе, поцеловал на прощание долго, нехотя отпуская. Ритка проскользнула в свой двор, замерла, прислушиваясь. Тишина.

Кралась к дому и размышляла. Егор был опытен. Слишком опытен для такого молодого парня. Откуда? Сколько девчонок у него было до неё? Ритка не спрашивала, а сейчас, прокручивая в голове эту ночь, понимала: так уметь невозможно, если бы не было других.

И ещё одна мысль пришла, холодная, как утренняя роса под босыми ногами: ни разу за всё лето он не сказал ей «люблю». Ни разу! Опьянённая любовью и желанием, она этого даже не заметила. А теперь осознала. Ритка забралась в свою постель, уткнулась лицом в подушку. Жалеть о чём-то? Нет, жалеть было не о чем. И следующую ночь они провели так же.

ГЛАВА 4

Ритка очнулась от воспоминаний. Хотелось есть и пить: во рту пересохло, в животе урчало. В последний раз она ела ещё в электричке – какой-то сухой пирожок. На загаженной кухне явно ничего трогать было нельзя: мать там такое развела, что проще совсем туда не заходить. Да и вообще, сначала надо прибраться в спальне, а потом, может, руки дойдут и до кухни – отмыть, отскрести, проветрить. Не хотелось, конечно, всё равно ведь эта засрёт обратно. Мать – она такая. Сколько Ритка себя помнила, та никогда за собой не убирала. Никогда.

Стало тоскливо. Как здесь жить? И на что? Денег кот наплакал, работы нет, впереди – полная неизвестность. Но по привычке Ритка мысленно встряхнулась – это всегда помогало с детства.

«Жива, здорова, не бита, – сказала себе. – Крыша над головой есть. А остальное – ерунда. Что-нибудь придумаем».

Она встала, поправила платье, провела рукой по волосам. Мельком взглянула в зеркало шкафа: лицо бледное, глаза уставшие, но вроде ничего – вполне прилично.

Сейчас нужно было сходить в магазин, купить бутылку воды и что-то поесть. Такое, что не нужно готовить и можно хранить в комнате: печенье, хлеб, сыр, кусок колбасы. В холодильнике Ритка даже заглядывать не хотела. Если увидит там что-нибудь – аппетит совсем пропадёт.

Она достала из чемодана сандалии без каблуков, сунула в них уставшие ноги, взяла сумку и вышла из дома, по дороге обдумывая планы. Нужно искать вахту в Москве или Питере, неважно где, лишь бы платили и была крыша над головой. Жить здесь, с мамашей, вряд ли получится. Перекантоваться неделю-другую, отоспаться по возможности, а потом – куда глаза глядят. Да и где здесь работать? В сельпо продавцом? Такие места заняты своими, да и ничего хорошего там не предвидится. Наверняка хозяин под юбку лезть будет. На ферму дояркой? Смешно. Да и тяжело физически – не сдюжит. Впрочем, можно будет написать местным девчонкам: с кем-то из школы ещё общалась, чьи-то номера у неё остались. Спросить, что да как, есть ли варианты.

Обратно шла уже повеселевшая. На ходу жевала ломтики сыра с батоном, запивая водой из бутылки. Солнце светило, ветерок играл в волосах, в животе было тепло – вроде и жить можно.

Но во дворе её ждал неприятный сюрприз. Дверь в дом была закрыта. Ритка толкнула – заперто. Дёрнула ещё раз – глухо. Сначала не поняла даже, в чём прикол. Может, захлопнулась случайно? Потом дошло: эта старая гадина заперлась изнутри.

– Мамуль! – заколотила она в дверь. – Мама, открывай, это я, дочка твоя любимая!

Тишина.

– Мать, я серьёзно, кончай дурку валять! Открывай давай!

Ни звука.

Ритка обошла дом, заглянула в окна: на кухне пусто, в материнской комнате занавески были плотно задёрнуты.

– Слышь, родительница! – заорала она под окном. – Я знаю, что ты там! Сердце у тебя, может, и больное, но слух-то должен работать!

Глухо.

– Ладно, – крикнула она. – Ну, и сиди там! А я пойду за участковым, выселять тебя будем!

Ритка села на крылечко и задумалась. Ни к какому участковому она, конечно, не пойдёт. Сейчас, по крайней мере. Так там и разбежались ей помогать. Да и вообще, куда идти-то? В Ромашино участковый, наверное, раз в год появляется – самогонщиков проверить да порядок, чтоб не бузили. О такой проблеме, как мать дом заперла, он и слушать не станет. Скажет: «Дело семейное, разбирайтесь сами».

А вот попросить кого-то вскрыть дверь можно. В деревне точно найдётся мужик с инструментом и руками из нужного места. Взгляд её упал на соседский забор. Кто там теперь живёт? Наверняка Егор с родителями давно переехал. Столько лет прошло! Могли продать какой-нибудь молодой семье или дачникам.

Вторая половина явно была жилая. За забором виднелся чёрный пикап: здоровенный, мощный, с кенгурятником. Из-за дома доносились крики петуха, хлопала дверь, кто-то возился во дворе. Слышно было, как плещется вода, как позвякивает ведро.

Ритка подошла ближе и заглянула в щель между досками. Двор был аккуратным: трава скошена, новенький сарай, под навесом стоял мотоцикл – даже не один, а два. На верёвках сушились мужские футболки и джинсы.

Нужно было попросить помощи. Мужик с пикапом наверняка сможет дверь вскрыть или хотя бы посоветует, что делать. Но вместо того чтобы встать и пойти, Ритка опять уселась на крыльцо. Взгляд её зацепился за щель в заборе, и она снова погрузилась в воспоминания.

...Больше такого шанса уединиться им с Егором не выпадало. Вернулись его родители, и всё вернулось на круги своя: встречи украдкой, поцелуи на обрыве, жаркие руки и губы в темноте, но без главного.

А впереди маячил сентябрь, возвращение в Пореченск, в одиннадцатый класс. Ритка сама не знала, зачем осталась после девятого. Логичнее было бы пойти в колледж, получить профессию и быстрее начать работать. Деньги бы не помешали. Но она почему-то была уверена, что суженый за ней придёт. Пусть не принц, но какой-никакой – а придёт, и ей нужно быть готовой. У Владки вон будет высшее образование, и ей тоже надо попробовать поступить. Глупо, конечно. Ещё год школьной муры впереди.

В то лето она пожалела о своём решении. Заикнулась было бабе Даше, чтобы перевестись в школу в Ромашино и доучиваться одиннадцатый класс. Та руками замахала, заартачилась.

– Дурында! – сказала бабушка строго. – Съедешь сюда, из той квартиры тебя вмиг вытуют, и останешься здесь на веки вечные. Обрато ведь не пустят. А так живи, доучивайся нормально, потом куда-нибудь поступишь, ещё жить дальше будешь спокойно в квартире.

Ритка пыталась возразить, но бабуля и слушать не хотела.

– Думаешь, я не знаю, чего ты взъерепенилась? – спросила она, прищурившись. – Думаешь, не видно, как сохнешь по Егорушке?

Ритка замолчала, уставившись в пол.

– А он, – продолжала баба Даша, – из тех, кто приголубить – приголубит, а жениться – не разбежится. Так и заруби себе на носу!

Ритка хотела возразить, но бабуля уже ушла на кухню, загремела кастрюлями. Слова её глубоко запали в душу. И чем ближе становился день отъезда, тем навязчивее они преследовали Ритку.

Прощание было горьким. Они сидели на обрыве в последний раз. Солнце клонилось к закату, река внизу чернела, и этот вечер был пропитан тоской так же, как всё лето – безмятежным счастьем.

Ритка смотрела на Егора, разомлевшая после ласк и поцелуев, и чувствовала: если не спросит сейчас – не спросит никогда.

– Ты меня любишь? – задала вопрос в лоб, заглядывая ему в глаза.

Он моргнул, чуть заметно растерявшись.

– Конечно, – ответил.

Первую секунду её окатило тёплой волной счастья, от которой защипало в глазах, но уже через мгновение всё как-то съёжилось.

Это ведь неправда. Вернее, не то. Она вытянула из него это, вынудила, и он сказал, потому что надо было что-то сказать. Потому что не ответить – ещё хуже. Ощущение фальши от этих

слов встало в горле комом, но Ритка улыбнулась, кивнула, отвернулась к реке, чтобы он не видел её глаз.

Первые пару месяцев в Пореченске были настоящим кошмаром. Ритка тосковала. Боль была почти физической, где-то под рёбрами. В школе она, как обычно, делала вид, что всё в порядке: улыбалась, шутила, даже пару раз сходила с кем-то в кино, но ночами лежала без сна, думая только о нём.

Они переписывались. Егор отвечал всегда – вроде бы сразу, вроде бы с радостью, но Ритка не могла себя обманывать: переписка была вялой. Он никогда не писал первым. Ни разу.

Она открывала мессенджер, смотрела на пустой экран и ждала. А когда не выдерживала и писала сама – он отвечал. Иногда развёрнуто, иногда парой слов, но всегда с теплотой, будто искренне рад. А потом всё повторялось.

Бессонными ночами она терзалась вопросом: с кем он там? Девчонок в деревне полно, и в школе наверняка кто-то у него есть. Неужели он будет ждать её, одинокий? Дурак, что ли?

Спросить его напрямую казалось унижительным. Она представляла этот разговор и тут же обрывала себя. Хотелось узнать у бабы Даши. Та всё понимала. Но как? Какими словами? «Бабуль, а Егор меня любит?» Стыдно же.

К новогодним каникулам их общение почти сошло на нет. Перед праздником Ритка поздравила Егора. Он ответил тепло, но коротко. И всё. Она не выдержала, написала всё-таки одной знакомой девочке, местной, Ромашинской. Так, между делом, будто невзначай:

«Слушай, а что там Егор? Как он вообще?»

Та ответила быстро, будто только и ждала:

«А-а, Егор... Да нормально. С Катькой ходил пару недель, потом с Ольгой, а сейчас вроде с Дианой. Парни хотели ему морду набить, но батя у него в части начальник, у многих родители там. Не рискнули».

Ритка обмерла. Перечитала ещё раз, отложила телефон, уткнулась лицом в подушку и горько разрыдалась – так, что грудь болела. Два дня она редела и не выходила почти из комнаты, лишь мычала в ответ на стук соседки Анны и редкие звонки обеспокоенной бабки Любы.

А потом всё прошло, словно рукой сняло. Встала, умылась, взглянула в зеркало на свои красные глаза и твёрдо сказала себе:

– Ну и хрен с тобой, Егорушка. Проживу как-нибудь.

И правда прожила.

На новогодние каникулы она сначала не хотела ехать в Ромашино к бабе Даше. Мысль о встрече с ним, о необходимости делать вид, что всё в порядке, была невыносима. Но сидеть две недели в пустой квартире в Пореченске в одиночестве? Это верный способ сойти с ума.

Поехала. А там её ждал сюрприз: Егор с родителями на все каникулы уехал в Питер, к каким-то родственникам. Ни слуху ни духу.

Ритка сначала растерялась, а потом выдохнула. Ну что ж, так даже проще. Не нужно ничего решать, ничего выяснять – просто провести эти дни, как раньше, и жить дальше.

Она проваландалась у бабы Даши, помогая по хозяйству, читая книжки, смотря телек, гуляя в одиночестве вдоль замёрзшей реки. «Обрыв любви» пустовал. Вернувшись в Пореченск после праздников, Ритка обнаружила, что у неё началась совсем новая жизнь...

...Из воспоминаний её вырвал резкий звук: за соседским забором заурчал мотор. Она вздрогнула. Если этот мужик сейчас уедет, придётся искать помощь по всей деревне. Ритка вскочила, бросилась к забору и замахала руками.

– Стойте! Подождите! Помогите!

Голос сорвался, но, кажется, её услышали – мотор заглох. Ритка прильнула к щели между досками, пытаясь разглядеть, кто там. И тут же в голове мелькнула мысль: вот человек собрался по своим делам, а тут какая-то соседка с воплями лезет. Неудобно, некрасиво... Но что делать?

Очень не хотелось ночевать на крыльце, бить стекло, лезть в дом через окно или ходить по дворам, искать кого-то с инструментом.

Из-за забора послышались шаги, калитка скрипнула. Ритка бросилась к своей, покосившейся и висевшей на одной петле, вылетела на улицу и столкнулась нос к носу с... Егором.

Сомнений не было. Он не облысел, не потолстел – просто стал плотнее, шире в плечах. И лицо, пожалуй, утратило мальчишескую живость: прорезались морщинки у глаз, волосы стали короче. Но глаза остались теми же – тёплыми, с хитринкой, с его вечной насмешливостью, которая когда-то сводила её с ума. Ямочки на щеках никуда не делись, и та – на подбородке, которую она так любила целовать, – тоже.

Он был одет в серую футболку, джинсы и кроссовки. Увидев её, остолбенел. Узнал, значит. Так и стоял, глядя во все глаза. У Ритки язык прилип к нёбу, а в голове пронеслось: «Я же орала, как психованная, что он подумает...»

– Ты живой... – вырвалось у неё вслух.

Егор приподнял бровь – так же, как тогда, двенадцать лет назад. Будто и не было этих лет.

– Да вроде пока не собирался помирать.

Ритка, опомнившись, попыталась сгладить неловкость:

– Ну, я это... фигурально.

Стало только хуже.

– В смысле, настоящий, – выпалила она, чувствуя, как краснеют щёки.

Егор смотрел на неё, и в глазах его загоралась усмешка, от которой у неё когда-то подкашивались колени.

– Настоящий, значит? – повторил он, словно пробуя слово на вкус. – А что, были сомнения?

– Не было, – буркнула она и, вспомнив, зачем вообще подняла такой шум, выпалила: – Помоги, а?

– Что стряслось?

– Мамаша дверь изнутри закрыла и не открывает. В дом не могу попасть. Может, ей плохо стало, или просто дурит.

Егор бросил взгляд на неё, на дом, развернулся и направился к своей калитке.

– Сейчас, погоди...

Кажется, не послал. Уже хорошо.

Вернулся быстро. В руках – ломик, отвёртка и пара других инструментов, плюс фонарик на всякий случай. Подойдя к двери, он осмотрел её, примерился, и ловко вставив ломик в щель между косяком и полотном, нажал. Раздался хруст, дверь щёлкнула и открылась.

– Готово, – сказал он, выпрямляясь.

– Спасибо, – выдохнула Ритка с облегчением. – Ты не представляешь...

Она шагнула в прихожую, думая, что сейчас он развернётся и уйдёт. Но Егор и не думал уходить, а вошёл следом.

Ритка замешкалась, ей стало дико неудобно за этот срач, грязь, засаленные стены, въевшийся запах – всё это, конечно, бросилось ему в глаза. Что он теперь подумает?

Но не может же она сказать: «Иди! Всё, ты больше не нужен». Язык не поворачивался. Это было бы верхом неблагодарности после того, как он бросил свои дела ради неё.

– Я только приехала, – пояснила она, чувствуя, как горит лицо. – А мать... ну, ты видишь. Кажется, с головой у неё проблемы. Капитальные.

Егор кивнул, но с места не сдвинулся, не уходил. Его взгляд скользнул вглубь коридора, к дверям комнат.

– Пойдём посмотрим, – спокойно предложил он. – Вдруг ей действительно плохо.

Ритка дёрнулась. Идти туда? С ним? В этот бардак, к этой старой гадине, которая едва не оставила её на улице и, скорее всего, сейчас упивается своей подлостью? Не хотелось. Дико не

хотелось, но выбора не было. Сказать «нет» – значило бы признаться, что ей плевать на мать, даже если та помирает, или что она врёт про проблемы с головой.

– Ладно, – вздохнула и первой шагнула в коридор.

Прошли вперёд. Ритка толкнула дверь большой комнаты, бывшей когда-то залом. Она поддалась. Внутри царил полумрак, окна были занавешены каким-то тряпьём. Сигаретный смрад, застарелый запах кислятины, пота и болезни ударил в нос так, что Ритка зажала рот рукой. Егор маячил за спиной, она чувствовала его присутствие, но от стыда даже обернуться не могла.

Мать сидела в кресле, курила. Смотрела на них с ленивым интересом, будто они в гости зашли, а не ворвались в её берлогу.

– Зачем дверь заперла? – голос Ритки звучал глухо из-под ладони.

– А чё, с открытой сидеть? – мать даже не повернулась. – Мало ли кто ходит.

– А почему не открывала? Я стучала, звала.

– Спала я, – мать затынулась. – Не слышала.

Ритка поняла: разговаривать бессмысленно. Стоять здесь, в этом смраде, смотреть на эту старую, злую, опустившуюся женщину, когда-то бывшую её матерью... Она развернулась, чтобы уйти.

– А ты чего, – ехидно протянула мать, – мужика уже притащила? Быстро ты.

Ритка сжала зубы, ничего не ответив. Вышла в коридор и захлопнула дверь.

– Не плохо ей, – пробормотала она, будто бы сама себе. – Вполне хорошо. Очень даже понравилось шоу.

Егор, стоявший рядом, произнёс:

– Дом бы не спалила.

Ритка вздохнула и открыла дверь своей комнаты – той, что когда-то была бабушкиной. Первое, что бросилось в глаза: чемодан стоял не так, как она его оставила, и был открыт. Сумка была раскурочена, вещи торчали наружу. В рюкзаке тоже явно рылись. Старая гадина шарила по её вещам! «Деньги, наверное, искала».

Рита опустила на колени прямо на грязный пол и принялась запихивать всё обратно в сумку, комком, вперемешку, лишь бы убрать этот позор с глаз. К счастью, деньги и паспорт были при ней, в кармане платья – она сунула их туда, выходя в магазин, на всякий случай. Но легче от этого не стало.

И тут нервы сдали. Весь этот день: звонок Игоря, побег, электричка, мать, запертая дверь, и теперь вот это – навалилось разом. Слезы хлынули сами: горячие, крупные, дурацкие. Они капали на пол, на руки, на вещи. Ритка всхлипнула, потом ещё, и уже не могла остановиться. Сидела на коленях посреди этого свинарника, зажимая рот рукой, чтобы не было слишком громко, и рыдала.

ГЛАВА 5

Ритка не увидела – почувствовала, как Егор обнял её. Крепко, словно пытаюсь удержать, он обхватил её плечи и прижал к своей груди. Рыдала, уже не скрываясь, слёзы лились прямо ему на футболку. Она, уткнувшись лицом в его плечо, пыталась что-то сказать, но слова застредали в горле, вырываясь лишь всхлипами и дрожью.

Всё закончилось так же внезапно, как и началось, будто кто-то выключил кран.

«Хватит, – мысленно приказала себе Ритка. – Хорошо радовать эту гадину. Она там сидит и упивается, наверное. Думает, дождалась».

Стало легче, дышать вдруг стало свободнее. Егор обнимал её, слегка покачивая, будто баюкая. Ритка затихла, глаза закрылись сами собой, дыхание выровнялось. Кажется, она даже ненадолго задремала – прямо так, в его руках, на грязном полу в бабушкиной комнате, посреди этого кошмара. Внезапно она как очнулась, стало стыдно.

– Прости, – глухо сказала, отстраняясь.

Попыталась вытереть лицо и с ужасом увидела, что его футболка вся в разводах от косметики.

– Прости, – повторила она. – Я постираю.

Коснулась ткани на его груди, будто это могло помочь. Егор взял её ладонь, задержал в своей, потом отпустил и принялся застёгивать чемодан, собирать вещи обратно в сумку.

– Так, – сказал спокойно. – Пойдём. Здесь оставаться не стоит.

– К-куда? – Ритка изумилась так, что даже икнула. Прикрыла рот рукой, испуганно глядя на него.

Егор поднялся, взял в одну руку сумку, в другую чемодан, рюкзак закинул на плечо и кивнул на дверь:

– Ко мне. Там переночуешь хотя бы спокойно. Надо думать, что делать с твоей... родительницей.

– Я не помешаю? – совершенно серьёзно спросила Ритка. – Жена не будет против?

– Не будет, – Егор оглянулся в дверях. – Я в разводе. Идёшь?

Она, конечно, пошла. Ноги несли сами, хотя в голове отчаянно билась мысль: «Ты совсем дура? Опять?»

Они прошли в его половину дома. Егор прошёл по коридору, распахнул дверь той комнаты, где когда-то она рассталась с невинностью.

Ритка замерла на пороге. Казалось, ничего не изменилось: шкаф, стол, кровать-полуторка у стены – та, на которой тогда, двенадцать лет назад... Она моргнула, отгоняя видение. Обои, кажется, другие, но она не была уверена, тогда ей было не до них.

– Проходи, – сказал он. – Располагайся.

– Это же твоя комната, – зачем-то сказала она, заходя.

– Теперь я в родительской обитаю, – усмехнулся Егор. – Там кровать большая.

Ритка чуть смутилась. Буквально пять минут назад рыдала в гадюшнике над своей горькой судьбиной, а теперь в животе затрепетало от этих слов: «Кровать большая», от его близости, от того, что они снова в этой комнате.

«Ну нет, – подумала она, наблюдая, как он поправляет занавеску на окне. – Теперь я на это не куплюсь. Развесив уши, теряя трусы, не побегу в твою кровать. Даже большую».

– Есть хочешь? – спросил Егор.

– Хочу, – вырвалось у Ритки, но она тут же спохватилась: – То есть нет, я уже поела.

Хмыкнув, Егор молча показал рукой в сторону кухни. Планировка была стандартной для домов на этой улице, Ритка знала её наизусть. Протиснувшись мимо него в коридор, прошла на кухню. Егор шёл следом.

– Гостей не ждал, – сказал, открывая холодильник. – Так что без изысков.
Достал миску с крышкой, пластиковый контейнер.

– Ты, кажется, куда-то собирался уехать, – вспомнила Ритка. – Когда я тебя взбаламутила.

Прости.

Она решила, кажется, извиняться за всё: за само своё присутствие.

– А, ерунда, – отмахнулся он. – Думал в магазин смотаться. Потом.

Он разогрел еду, поставил две тарелки на стол. Когда одуряющий аромат поплыл по кухне, у Ритки даже голова закружилась. Перед ней на тарелке лежал сочный бифштекс, рядом – горка овощного салата. К этому добавилась тарелка со свежим хлебом.

Ритка сглотнула и поняла, что сейчас опять расплатится. На этот раз – от благодарности. Егор сел напротив, принялся неторопливо есть, откровенно её рассматривая, но не так чтобы нагло и похотливо, а как-то доброжелательно, с интересом.

«Чертов бабник, – думала Ритка, жуя мясо. – На мою голову».

Ела она медленно, будто ей вообще не особо-то и хотелось, чтобы не думал, что она тут с голодухи на всё готова.

– Ты стала ещё красивее, – вдруг сказал Егор.

– Ты тоже хорошо сохранился.

– Рассказывай, – он посерьезнел. – Что там с маманей твоей? Диагноз есть какой-то? Я редко её вижу, всё в доме сидит, от помощи отказывалась.

– Да зачем тебе о ней? – не поняла Ритка.

– У меня тут оборудование дорогое, теплицы, – пояснил Егор. – Спалит дом – хана всему.

Она задумалась, отложила вилку. Рассказала: диагноз у мамы – дурной характер по жизни и инвалидность по сердцу. Официально. А по сути – пожилая, злая, больная женщина, которая всю жизнь делала только то, что хотела, и плевать ей на всех.

– В общем, не знаю, – честно призналась Ритка. – Дом мой, но она там живёт. А куда её деть? В дом престарелых? Возьмут ли такую? Она ведь еще не очень старая, даже не пенсионерка.

Егор молчал, покусывая губы.

– Короче, – вздохнула Ритка. – Надо думать.

– Ты надолго здесь? – спросил он.

– Не знаю. Вряд ли.

Он смотрел внимательно, и Ритка призналась:

– Работы здесь нормальной всё равно нет. В каком состоянии дом – ты видел. Надо уезжать.

Егор никак не отреагировал, поставил на стол чашки, вазочку с конфетами, варенье, мёд, печенье... И принялся заваривать чай в керамическом чайничке, смешивая что-то душистое из разных бумажных кулёчков.

– Эй, что это за зелье ты там варишь? – то ли в шутку, то ли всерьёз обеспокоилась она.

– Приворотное, – хохотнул Егор, потом, обернувшись, «успокоил»: – Шучу, это просто чай для хорошего сна.

Ритка всё равно напряглась.

Егор поставил чайничек на стол, сложил руки в замок и спросил прямо:

– Ты думаешь, я хочу тебя напоить, дожждаться, пока ты уснёшь, и воспользоваться подлым образом?

– Ничего такого я не думаю, – буркнула Ритка, хотя именно это и мелькнуло в голове. Глупость, конечно. Зачем ему? У него, наверняка, отбоя нет от баб. – Просто обычно парни не заморачиваются и пьют пакетики.

– Ну, а я нет. Люблю хороший чай.

Напиток оказался божественным.

– Что там? – спросила она, грея руки о чашку.

– Хороший чёрный чай плюс мелисса – сам выращиваю, и веточки земляники, прямо с ягодами засушенными, – не стал скрывать Егор.

Ритка не пила такого никогда. Вкус был тонкий, травяной, с лёгкой кислинкой и сладостью одновременно. Она на секунду закрыла глаза.

– Странный ты.

– Обычный, – Егор пожал плечами. – Ты работу ищешь?

– Ну да, – осторожно ответила она.

– Могу кое-что предложить. Может, заинтересует.

У Ритки в голове молниеносно всплыло предложение Игора, сказанное тогда в машине: «Будешь ждать меня с работы. Кормить. Спать со мной». Неужели Егор пойдёт тем же путём?

Видимо, что-то отразилось на её лице, потому что он поспешил добавить:

– В теплицах.

– Что?! – Ритка подалась вперёд.

– Посадка, пересадка растений, полив, подкормка, обрезка, прополка и так далее, – Егор выжидающе посмотрел на неё. – Или ты искала что-то более... – он подбирал слова, – квалифицированное? По образованию?

– Нет, – буркнула Ритка. – Сейчас мне нужна любая работа.

– Ну, тогда подходит. Обычно я беру женщин за сорок, но для тебя сделаю исключение, – он улыбнулся. – Не чужие люди всё-таки.

Сердце от такого сделало кульбит, забившись где-то в животе.

– Почему именно за сорок? – спросила она, пытаясь вернуть разговор в спокойное русло. – Работают лучше?

– Ага, – кивнул он. – И проблем с ними меньше.

Ритка не стала уточнять, про какие он говорит проблемы. Не её это дело.

– Я справлюсь ли...

– Почему нет? Научу тебя всему, – Егор не сводил с неё глаз.

От этого взгляда стало так волнительно, что она зарделась, как та восемнадцатилетняя дурочка, терявшая голову от одного его присутствия.

Затем Егор показал ей, как включить душ, сунул в руки стопку свежего постельного белья и полотенце. Сам ушёл во двор – то ли курить, то ли просто дать ей время.

Ритка застлала постель не без трепета душевного, да и в теле тоже.

«Напоил, накормил, баню истопил... фигурально, – мысленно хохмила она, пытаясь унять волнение. – Теперь полезай-ка в печь, добрый молодец». То есть девица, хотя далеко уже и не девица.

В душе она отмокала долго, с наслаждением. Горячая вода смывала не только пот и пыль этого безумного дня, но и саму его чудовищность. Выходить совсем не хотелось, но пришлось. Долго выбирала, что надеть? Хотелось и подразнить (хотелось, да), и не слишком явно. Чтобы в случае чего можно было списать всё на духоту.

Егор вернулся, когда Ритка уже стояла у мойки в кухне. Решив проявить благодарность, она убрала со стола, загрузила тарелки в раковину и принялась за мытьё. Услышав шаги, обернулась с улыбкой:

– Вот. Надеюсь, я правильно расставила всё в сушилке?

Егор рассмеялся:

– Не волнуйся, я не страдаю психозом, если чашки стоят не по размеру.

Она снова отвернулась к мойке. Спиной и тем, что пониже, всей кожей, затылком, каждым нервом она чувствовала его взгляд.

– Рит... – позвал Егор.

Она обернулась, вытерла руки полотенцем.

– Я тут подумал...

Она села напротив, сложила руки на коленях, как примерная ученица, и замерла в ожидании.

– Тебе не надо туда возвращаться. – Он кивнул в сторону её половины дома. – Можешь оставаться здесь, сколько потребуется. Комната в твоём распоряжении.

Ритка не то чтобы совсем не была готова к такому предложению, но растерялась, не зная, как правильно реагировать. Вдруг он подумает что-то не то... Но и ночевать в том сарае после всего случившегося ей совсем не хотелось.

– Я... – начала она, но слова застряли в горле.

Егор продолжил:

– И вот ещё что... если хочешь, я куплю у тебя дом с участком. Или хотя бы часть участка.

– Что? – теперь она действительно была сбита с толку.

– Куплю. Мне хотелось бы расширяться, а твой участок – это идеальный вариант. Можем с домом, можем просто отмежевать часть земли – огород. Тебе всё равно он не нужен. Я давно подумывал об этом.

Ритка ошеломлённо смотрела на него. Так вот оно что! Вот что ему было нужно, а не её в постель затащить. Работа, комната – всё это, видимо, было лишь по старой памяти, из жалости. И, конечно, с выгодой для себя, а вовсе не из любви (ха-ха!) или какого-то желания.

Она почувствовала, как внутри что-то оборвалось. Глупая, опять всё напридумывала себе.

– Не знаю... Надо подумать.

– Хорошо, – он кивнул. – Подумай, конечно.

Помолчав немного, внезапно спросил:

– Что стряслось у тебя?

– В смысле?

– В жизни. Почему ты приехала сюда, в этот дом.

Ритка помедлила: откровенничать не хотелось, врать – тоже.

– Так сложилось. Не заладилось немного.

– Муж?

– Развелись.

– А жильё есть?

– Нет, – она покачала головой. – Квартира в Пореченске продана – не моя была, а от доли в совместно нажитом с мужем я отказалась. Так было честнее.

И это было почти правдой.

Она добавила, кивнув в сторону той половины дома:

– Только вот это и осталось.

– А синяки? – внезапно спросил Егор.

Ритка сжалась. Вот идиотка! Напялила короткие шорты с майкой, думала соблазнить, а про синяки забыла. На руках – где Игорь хватал, на бёдрах сзади – куда бил. Остальные под одеждой.

– Муж? – настаивал Егор.

– Нет, не муж, – еле слышно прошелестела Ритка. – Мы давно развелись.

– Ясно.

Он нахмурился, но в душу не лез.

Она поднялась.

– Пойду спать. Устала.

Егор кивнул:

– Если что – зови.

Она чуть улыбнулась и выскользнула из кухни.

В комнате закрыла дверь, легла в кровать прямо так, не раздеваясь. Смотрела в потолок, слушая его шаги по дому, шум воды в душе, приглушённый разговор по телефону.

Ритка лежала, погружённая в свои мысли. В который раз чувствовала себя дурой. Побитая собака, никому не нужная. Прибежала к нему, разнюнилась, демонстрируя свои синяки. А он – настоящий добрый самаритянин. Обещал помочь с работой, купить дом, оставил на ночлег. Но всё это было из жалости, из выгоды, из чего угодно, только не из того, о чём она, глупая, снова успела помечтать.

В груди было пусто и больно. Ритка закрыла глаза. Ворочалась и всё равно думала. Вдруг придёт?

Она даже представила, как дверь тихонько скрипнет и свет из коридора полоснёт по стене. Как она замерла бы, прикрыв глаза и стараясь дышать ровно – пусть он думает, что она спит. Шаги. Остановился. Край кровати прогнулся под его весом. Тишина. Она чувствовала его взгляд кожей: на шее, ключицах, груди. Тогда она медленно открыла глаза. Егор смотрел, не отрываясь. В темноте было не разобрать, но она знала этот взгляд – жадный, от которого внутри всё переворачивалось. Она не успела ничего сказать. Егор наклонился и приник к её губам. Без нежности, без предисловий – сразу, горячо, требовательно. Руки уже были везде: на талии, на бёдрах, под майкой, стягивали трусы. Она выгнулась навстречу, прижалась, обхватила ногами, и спустя мучительно сладкий миг, ощутила внутри...

Но...

Он не придёт.

Ритка села на постели, сунула ноги в тапки. Желание пульсировало почти болезненно, тянуло внизу живота, мешало дышать. Она поднялась, тихонько открыла дверь и шагнула в тёмный коридор. Сделала несколько шагов к двери его спальни... и прошла мимо – в туалет.

Щёлкнула выключателем, закрылась. Посмотрела на себя в зеркало: растрёпанная, глаза блестят, губы прикушены.

– Ну нет, Егорушка, – прошептала, глядя в глаза своему отражению и мысленно поклявшись: пока он не скажет «люблю» – да не просто, а пылко, так, что поверит сам Станиславский, – трусы она свои не снимет. Если надо, на клей приклеит, чтобы не слетали.

ГЛАВА 6

Ритка проснулась от назойливого жужжания шмеля где-то совсем рядом. Сначала не поняла, дёрнулась, чтобы бежать делать завтрак Игорю. Подскочила, села в кровати, оглядела комнату и вспомнила. Сердце зашлось от счастья: нет больше никакого Игоря. Нет и не будет его криков, кулаков, постоянного страха. Есть только эта комната и Егор где-то рядом. Пусть он и не любовник, пусть просто по старой памяти приютил, но с ним спокойно, безопасно.

Шмель бился в стекло, никак не находя форточку.

– Глупый! – Ритка откинула тюль, открыла окно и бумажкой подвела шмеля к открытой раме. Тот улетел.

Она улыбнулась, потянулась и взглянула на часы. Рано. Можно было бы ещё поваляться, но тело уже гудело – пора вставать. Ритка переделалась в простое летнее платье: лёгкое, струящееся, длиной до икр, с рукавами до локтя – самое то для деревни. Никаких коротких юбок и соблазнительных вырезов. Хватит, наэкспериментировалась, демонстрируя синяки.

Сходила умылась. На кухне остановилась в раздумьях: не слишком ли нагло будет лазить по холодильнику и шкафам? Вчера он сам кормил, но сегодня – день новый. Вдруг не захочет завтракать вместе, вдруг у него свои привычки?

Размышления прервал Егор. Он вошёл с улицы, мокрая майка прилипла к груди, волосы на лбу влажно блестели. Ритка замерла, не в силах отвести взгляд, особенно когда он повернулся к мойке.

– Рано ты, – заметил он, начиная мыть руки.

– Думала, спишь, – ответила она, наблюдая, как вода стекает по его загорелой коже.

Он вытер ладони полотенцем и обернулся.

– Не, я бегал, – Егор улыбнулся и предложил. – Позавтракаем, и я покажу теплицы, расскажу, как всё устроено.

Заметив её сомнения, он добавил:

– Хочешь, сама попробуй что-нибудь сделать, не стесняйся. Или, если неловко, подожди меня – омлет сварганю.

Он ушёл в душ, оставив Риту в восхищении. Какой же он... деликатный, тонко чувствующий! И кто только научил? Конечно, таких бабы любят, не одна она ведётся. И это так отличалось от всего, к чему она привыкла. Даже не об Игоре речь. Вот взять хоть её бывшего мужа Димку. Красивый и в постели хорош, но с деликатностью всегда были проблемы.

...Тогда, после новогодних каникул, Ритка вернулась от бабы Даши и даже не подозревала, что скоро её жизнь круто изменится. Был февраль. Большая перемена. Она грызла яблоко на широком подоконнике в школьном коридоре. Кто-то запрыгнул рядом. Ритка глянула краем глаза – Димка Хасанов. Самый популярный парень, если не в школе, то в классе – точно. Высокий, красивый, с разными глазами: один карий, другой голубой. Из-за этого на него все девочки вешались. Он был явно на спорте – под рубашкой угадывались мышцы. Ритка никогда не рассчитывала на его внимание – он менял девушек как перчатки.

– Гаврюша, дело есть.

Так её звали в классе – сокращённо от фамилии Гаврилина.

– Чего надо? – Ритка уставилась на него, подозревая подвох.

– Так грубо? – он усмехнулся.

Она пожала плечами. Димка продолжил:

– У меня друг есть. Ты ему очень нравишься.

Ритка подняла бровь. Он заглянул ей в глаза:

– Но друг стесняется подойти. Скромный очень.

– И что?

– Придёшь, в общем? – Димка сунул ей яркий картонный прямоугольник. – В субботу, во Дворце спорта соревнования. Это приглашенный.

– И кто этот друг? – прищурилась Ритка.

– Не скажу. Сюрприз. Сама на него посмотришь, на бой. Если не понравится – уйдёшь.

– И как я его узнаю?

– Я тебе напишу, какой ринг, когда поставят.

Ритка хмыкнула. Глупость какая-то, да и драки эти она не любила. Но он смотрел на неё так... просяще, что ли, и ждал ответа.

– Ладно, – сказала она, чтобы он отвязался. – Приду.

Димка спрыгнул с подоконника, улыбнулся и ушёл.

В субботу Ритка пришла во Дворец спорта. Соревнования были, как она поняла, по кик-боксингу. Столько крепких, красивых парней в одном месте она ещё не видела.

В зале была суета и движуха. Постоянно кто-то сновал туда-сюда: на трёх рингах одновременно шли бои, зрители не сидели на своих местах, а постоянно перемещались. Пахло мужским потом, но не противно, а ещё в воздухе будто концентрированный адреналин витал. Ритка ощутила его прямо физически.

Одни парни уже бились, другие, с голым торсом, заряженные на бой, разминались повсюду. Ритке здесь определённо нравилось. Она рассматривала, иногда подходила ближе к рингу и даже болела за кого-то, а вернее, сразу за всех.

Пришло сообщение от Хасанова: «Второй ринг, следующий бой».

Ритка подобралась поближе, села на первый ряд. Предыдущие парни закончили биться, рефери объявил победителя и пригласил следующих.

В синих шортах оказался... Хасанов?! Она бы и не узнала, наверное, – они были в шлемах, но ведущий раскатисто объявил: «В синем углу – Дмитрий Хасанов!» В красном – какой-то Петровский.

Ага, с другом, значит, драться будет.

На них были только шорты, шлемы, перчатки и ещё какие-то штуки на ногах. Ритка заворожённо следила за их движениями: как они уворачиваются, как бьют – резко, точно, сильно. Это было увлекательно, даже очень. Она болела за обоих. Ну, точнее, за само зрелище. Красивые, сильные, потные – что ещё надо для счастья?

Димка победил.

Ритка хлопала, кричала вместе со всеми. Он стоял, подняв руку в перчатке, весь мокрый, блестящий, и улыбался в её сторону. Они вылезли с ринга. Петровский направился куда-то в сторону раздевалок, Ритка проводила его взглядом – ничего так парень, жаль, что проиграл.

– Привет, – раздался рядом голос.

Она обернулась. Хасанов стоял рядом уже без перчаток, с полотенцем на шее, тяжело дыша, но улыбался.

– Ну и где друг? – Ритка подняла бровь.

– Друг – это я, – признался Димка. – Прости за обман. Это мне ты нравишься. Очень.

Ритка растерянно смотрела на него и не знала, что сказать. С одной стороны – дурак. Придумал какую-то фигню про стеснительного друга.

С другой...

– И часто ты так клеишь девчонок? – спросила она. – Зачем всё это?

– Первый раз, – он развёл руками. – Хотел, чтобы ты увидела меня по-настоящему. Чтобы поняла...

Она взглянула на его мокрый голый торс, на короткие влажные волосы, стоящие торчком, на смеющиеся глаза. На то, как он смотрел на неё: открыто, жадно, не скрываясь. И она поняла...

Поняла, что жизнь, в общем-то, прекрасна и не сводится к одному Егору. Так у них и закрутилось. Он провожал её до дома, у подъезда по часу стояли, а потом ещё столько же целовались внутри.

Димка не скрывал своих чувств. В школе они не расставались, он садился с ней за одну парту, под столом сжимал её коленку, и плевать хотел на учителей. Ритке это всё нравилось: быть с ним, чувствовать себя желанной. Особенно после лета с Егором, после его молчания и глупого, бесплодного ожидания.

С Владкой вышло странно – она перестала разговаривать. Сначала Ритка думала – из-за того, что она теперь с Димкой сидит, а не с ней. Звонила, подходила, пыталась заговорить, но Владка грубила или просто игнорировала, глядя сквозь неё.

Окрылённая счастьем, Рита как-то особо и не расстроилась. Решила: «Влада что, эгоистка? Как только у подруги появился нормальный парень, сразу дружить нельзя? Что за дичь?»

Заподозрить в ревности ума не хватило. Владка всегда говорила, что «любовь-морковь» – это для дур, а она выше этого. И вроде бы ей нравился Артём – тот неприступный, перспективный. Зачем ей Димка?

Ритка пожалала плечами и перестала заморачиваться: «Подумаешь, поссорились. Помиримся».

Через неделю после соревнований Рита оказалась у него дома. Комната была заставлена железом: штанги, гантели, какой-то тренажёр занимал полстены. Пахло резиной и металлом. Димка завёл её внутрь, закрыл дверь, прижал и сразу запустил руку под юбку, стал целовать – жадно, будто ждал этого весь день.

Тяжело дыша, он спросил прямо:

– Было у тебя уже?

– А что? – она вздёрнула подбородок. – Было. С одним.

– И как? – он усмехнулся и засунул вторую руку ей под кофту.

– Нормально.

– А со мной охеренно будет.

Спорить не стала.

Он целовал нетерпеливо, руки были сразу везде, сжимал её без нежности, даже грубо. Ритка отвечала, и внутри разгоралось что-то новое – не то томление, как с Егором, а какой-то дикий, почти злой огонь. Димка сдёрнул с неё джинсы, не спрашивая, не глядя в глаза. Ритка завелась в пол-оборота, выгибалась навстречу. Он крутил её как хотел: резко, властно, от чего у неё темнело в глазах.

Двигался сильно. Сначала медленно, затем быстрее, тяжело дышал, сжимая её бёдра. А она летела куда-то в пропасть, ловила ртом воздух, не понимая, где верх, где низ, и хотела только одного – чтобы он не останавливался. Когда по телу разлилась сладкая дрожь, в голове стучало одно: «Вот это да...»

– Ну как? – спросил он, не открывая глаз, покусывая её плечо.

– Охренеть, – выдохнула она честно.

Он хмыкнул довольно и слегка ущипнул её за зад.

Ритка забыла про Егора. Ну, не то чтобы совсем, но думать о нём перестала. После уроков они с Димой теперь мчались к нему домой – до тренировок, которые у него были почти каждый день. Во второй раз она ждала, что всё повторится так же грубо, властно, но он удивил. Всё было иначе: Димка не торопился. Долго смотрел на неё томным взглядом, медленно раздевал, нежно целовал плечи, шею, грудь. Руки его стали нежными, он умел ласкать. И не только руками. Рита выгибалась, закусывая губу, чтобы не кричать, и думала: «Да откуда он это?..» А потом перестала думать вообще.

Класс наблюдал за ними, ожидая, когда Дима бросит её, как всех предыдущих. Но Ритка ходила, высоко задрав нос, а он не уходил. Наоборот, они стали не только в постели проводить время, но и ходить куда-то – в кафе, в кино. То, с чего другие начинают, у них случилось уже после главного.

К себе не водила. «Нельзя», – сказала ему. Бабка Люба, узнав, могла выгнать, поэтому они встречались у него. Пока родители были на работе, им хватало времени насладиться друг другом.

Пришло время выпускного. Ей купили простое платье, чтобы потом летом можно было носить: жемчужно-серое с розовым, которое хорошо шло к её рыжим волосам – она это видела. Красилась сама, конечно. Волосы просто собрала и заколола шпильками с жемчужинками.

С некоторым злорадством она наблюдала, как одноклассницы, намарафеченные стилистами и парикмахерами, завистливо смотрели на неё и Диму. Он в костюме был невероятно красив. Они танцевали, и он не сводил с неё глаз.

В ту ночь, кажется, она и залетела. Потеряли бдительность. Это был отель – взрослые же, и у них был праздник. И почти в самый пик, когда она впиалась ногтями ему в спину, он прохрипел ей в шею:

– Люблю тебя!

От чего накатило так, что думала – сердце разорвётся, так бешено билось.

После выпускного наступила суровая реальность. Димка поступил в университет на специальность «Правоохранительная деятельность», куда же ещё, а Ритка – никуда. Решила пойти поработать где-то, а там видно будет. И тут начало тошнить по утрам, и вот это всё.

Сказать, что она испугалась – ничего не сказать. В панике бросилась к Димке, обмирая от ужаса и ожидая чего угодно. Его родители: отец – при чинах, мать – учительница. И она – Ритка. Впервые задумалась, что принц – это ведь не так просто всё. Не в сказке живут.

Но Димка, выслушав её и увидев тест с полосками в её дрожащих пальцах, сказал:

– Давай жениться.

– Как?

– Как-как... – он вздохнул. – Попой об косяк.

Перед самой свадьбой они помирились с Владой. Та сама пришла, а как услышала про свадьбу и живот – сначала опешила, но быстро взяла себя в руки. Посидели на школьной лавочке, как в старые добрые времена.

– Значит, всё правильно, – сказала Владка, глядя куда-то вдаль. – Как надо.

Ритка смотрела на неё и вдруг поняла что-то по взгляду, по голосу, по тому, как та сжимает край пиджака.

– Шармулич... – назвала её старым прозвищем, которым называла Владу только она, – у вас, что, с ним было?

Та кивнула.

– И он тебя бросил?

– Да.

Ритка ужаснулась:

– Я ж не знала! Влад, я бы никогда...

– Понятно, – перебила Владка. – Ты не знала. И я тебе не рассказывала. Не надо было.

Они помолчали ещё немного. Потом подруга встала, крепко обняла Риту и ушла.

Димкины родители, если и были недовольны выбором сына, виду не подавали. Сняли им студию недалеко от его университета – живите! Рита смотрела на эти стены, на новую мебель, на маленькую кухоньку и не верила своему счастью. У неё будет свой угол, свой муж, ребёнок!

Свадьба была пышной, с размахом. Родители Димкины расстарались: ресторан, белое платье, гости, тамада. Владка пришла, хотя сначала не хотела. Дима был недоволен её присутствием, но промолчал. А мать свою Ритка не позвала, боялась даже, что та прознает вдруг и

заявится, да ещё с Тараканом. Отец с женой пришли, и баба Люся, и баба Даша с дедом приехали из Ромашино. Отец, кстати, очень хорошо со свёкром нашёл общий язык – как-никак, оба при погонах. Сидели, разговаривали, похлопывая друг друга по плечам. Родственники, помимо общего подарка, вручили Рите отдельно некоторую сумму от продажи квартиры. И на этом, правда, посчитали свои обязательства перед ней завершёнными.

Рита плыла по этому празднику как во сне, держа Диму за руку, и думала: «Вот оно, счастье! Теперь всё будет хорошо».

Но сказка быстро закончилась.

Как и беременность.

Однажды, вдруг ни с того ни с сего, ей стало очень больно внизу живота. Схватило так, что свет померк, а потом пошла кровь. Осознание потери пришло позже, в больнице. Лежала на койке, смотрела в белый потолок и не могла понять, как так: только что всё было, и вдруг – пустота внутри. Физическая пустота.

Тогда, впервые, она увидела, как Дима плачет. Он сидел у Риткиной кровати в платной палате, сжимал её ладонь в своей и глядел такими беспомощными, потерянными глазами. Слёзы текли по его лицу, а он даже не вытирал. Она смотрела на него и думала: «Господи, он меня любит. Правда любит. Всё будет хорошо. Мы справимся».

Она ещё не знала, что это было началом конца. А дальше жизнь превратилась в череду скандалов. Всё должно было быть только так, как он сказал. Дома сиднем сидели, лишней раз не выйти. Подруг он отвадил одну за другой. Владу особенно ненавидел – стоило ей позвонить, и его настроение портилось на весь вечер.

Немногословный и раньше-то, он стал совсем молчаливым и грубым. Ласкового слова от него было не дожидаться. Ревнивый до жути: «То не носи, это не надевай – мужики пялятся». Юбки выше колена и даже майки летом были под запретом. Орал, что взгляд у неё... ну, «распутный». А что он там такое видел в её взгляде, было известно только ему. Рита не думала не то что об изменах, а даже о флирте.

Свекровь тоже не отставала, выедавая мозг каждый день. Звонила, учила, как жить. А он её слушался. Маменькин сынок оказался, только с виду brutальный мужик.

Дима предохраняться не любил, да и зачем? Но беременность наступила только через три года, хотя вроде бы всё было в порядке со здоровьем. Он уже начал посматривать косо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.